

с е т е в о й н а у ч н ы й ж у р н а л ISSN 2313-8912

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

R E S E A R C H R E S U L T

Том 4 | № 1
Volume 4 | 2018

ВОПРОСЫ
ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ
И ПРИКЛАДНОЙ
ЛИНГВИСТИКИ

THEORETICAL
AND APPLIED
LINGUISTICS

Сайт журнала:
rllinguistics.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

Том 4, № 1. 2018

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2014 г.

ISSN 2313-8912

Volume 4, № 1. 2018

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL

First published online: 2014

ISSN 2313-8912

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: **Дехнич О.В.**, кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: **Деревянко Ю.С.**, г. Белгород, Россия

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ: **Ляшенко И.В.**, кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Алефиренко Н.Ф., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

Аматов А.М., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

Багана Ж., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

Беседина Н.А., доктор филологических наук, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

Вальтер Г., доктор филологических наук, профессор, университет им. Эрнста Морица Арндта г. Грайфсвальда, Философский факультет, Институт славистики, Германия

Вишнякова О.Д., доктор филологических наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Воркачев С.Г., доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный технологический университет», г. Краснодар, Россия

Дьяченко Т. Д., кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

Златев Дж., доктор философии, профессор, Лундский университет, г. Лунд, Швеция

Карасик В.И., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», г. Волгоград, Россия

Клепикова Т.А., доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский федеральный государственный бюджетный университет экономики и финансов, г. Санкт-Петербург, Россия

Магировская О.В., доктор филологических наук, профессор, Институт филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, г. Красноярск, Россия

Огнева Е. А., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

Панасенко Н.И., доктор филологических наук, профессор, Университет Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве, г. Трнава, Словакия

Киевский национальный лингвистический университет, г. Киев, Украина

Порхомовский В.Я., доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия

Риё Ж., доктор филологических наук, профессор, университет Ниццы-Софии Антиполис, г. Ницца, Франция

Соколова Я., кандидат филологических наук, профессор, Университет Константина Философа, г. Нитра, Словакия

Хлебда В., доктор филологических наук, профессор, Опольский университет, г. Ополье, Польша

Шарифиан Ф., доктор филологических наук, профессор, Университет Монаша, г. Мельбурн, Австралия

EDITORIAL TEAM:

EDITOR-IN-CHIEF: **Olga V. Dekhnich**, Ph.D. in Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Associate Professor, Belgorod, Russia

EXECUTIVE SECRETARY: **Yulia S. Derevyanko**, Belgorod, Russia

ENGLISH TEXT EDITOR: **Igor V. Lyashenko**, Ph.D. in Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Associate Professor, Belgorod, Russia

EDITORIAL BOARD:

Alexandr M. Amатов, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia

Baghana Jerome, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia

Elena A. Oгнева, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia

Farzad Sharifian, Doctor of Philology, Professor, Monash University, Melbourne, Australia

Harry Walter, Doctor of Philology, Professor, University of Greifswald, Greifswald, Germany

Jana Sokolova, Ph.D. in Philology, Professor, Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovak Republic

Jordan Zlatev, Doctor of Philosophy, Professor of General Linguistics, Lund University, Lund, Sweden

Natlia A. Besedina, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia, Belgorod, Russia

Nataliya I. Panasenko, Doctor of Philology, Professor, University of St. Cyril and Methodius in Trnava, Trnava, Slovak Republic

Nikolai F. Alefirenko, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia

Oksana V. Magirovskaya, Doctor of Philology, Professor, School of Philology and Language communication of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Olga D. Vishnyakova, Doctor of Philology, Professor, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Rieu Josiane, Doctor of Philology, Professor, The Nice Sophia Antipolis University, Nice, France

Sergey G. Vorkachev, Doctor of Philology, Professor, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

Tatiana A. Klepikova, Doctor of Philology, professor, Saint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russia

Tatiana D. Dyachenko, Ph.D. in Philology Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Associate Professor, Belgorod, Russia

Victor Ya. Porkhomovsky, Doctor of Philology, professor, Linguistics Institute Moscow, Moscow, Russia

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Volgograd State National Research University", Volgograd, Russia

Wojciech Chlebda, Doctor of Philology, Professor, University of Opole, Opole, Poland

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

SECTION I. THEORY OF LANGUAGE

Куценко А.А. Дискурс реконструкции эдвардианской эпохи в телеформате	3	Alina A. Kutsenko. Discourse of the Edwardian Era Reconstruction in the TV-format	3
Лаврищева Е.В. Роль физиологической метафоры в репрезентации когнитивного фрагмента «эмоциональное пространство»	13	Ekaterina V. Lavrishcheva. The Role of a Physiological Metaphor in the Representation of the Cognitive Fragment «Emotional Space»	13
Черкашина Т.Т., Суздальцева Л.С., Пермякова Н.С. Язык как словесная номинация способа познания мира	22	Tatyana T. Cherkashina, Lydia S. Suzdaltseva, Natalia S. Permyakova. Language as a Verbal Category of the Way of Understanding the World	22

РАЗДЕЛ II.

SECTION II.

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

COMPARATIVE LINGUISTICS

Лутфуллина Г.Ф. Прагматический потенциал категории пересказывательности как компонента поля косвенной эвиденциальности	40	Gulnara F. Lutfullina. Pragmatic Potential of Reportative Category as the Component of Indirect Evidentiality	40

РАЗДЕЛ III.

SECTION III.

ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

APPLIED LINGUISTICS

Ahmed Alduais. Micro and Macro Typological Features of the Morphology of the Turkish Language: Conflicting Views between WALS Database and Non-WALS Database	49	Ahmed Alduais. Micro and Macro Typological Features of the Morphology of the Turkish Language: Conflicting Views between WALS Database and Non-WALS Database	49

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

THEORY AND HISTORY OF LITERATURE

РАЗДЕЛ IV. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

SECTION IV. LITERATURE OF PEOPLES AND NATIONS OF THE WORLD

Mahdieh Boostani. Effects of Death in the Poetry of Rumi and Whitman	63	Mahdieh Boostani. Effects of Death in the Poetry of Rumi and Whitman	63
Zhai Li. Probing into the Mythological Images in Mao Zedong's Poem "Immortals: Reply to Li Shuyi"	70	Zhai Li. Probing into the Mythological Images in Mao Zedong's Poem "Immortals: Reply to Li Shuyi"	70

**ЯЗЫКОЗНАНИЕ
РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА**

УДК 81:42

DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-1-3-12

Куценко А. А.

**ДИСКУРС РЕКОНСТРУКЦИИ
ЭДВАРДИАНСКОЙ ЭПОХИ В ТЕЛЕФОРМАТЕ**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д.85, г. Белгород, 308015, Россия
E-mail: alinaconfiture@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена выявлению и изучению особенностей реконструкции этносоциальной специфики дискурса Эдвардианской эпохи в современном Британском историческом телесериале ‘Downton Abbey’ («Аббатство Даунтон» 2010-2016 гг.). Приводятся и сравниваются различные определения понятия «дискурс», «кинодискурс», «дискурс кинематографа», «дискурс кинофильма». Формулируются и приводятся авторские определения понятий «телеформат» и «дискурс телеформата». Далее выявляются и рассматриваются такие особенности дискурса телеформата, как реконструкция дискурса и дискурс реконструкции в телеформате. Сходства и различия выявленных особенностей исследуются на примере дискурса телеформата одного из эпизодов Британского исторического телесериала ‘Downton Abbey’. Выявлено, что дискурсом реконструкции Эдвардианской эпохи в телеформате является реконструкция исторического события «применение электричества в быту», что действительно произошло именно в начале XX века, а также сочетание в соответствии с экранизируемой эпохой образов персонажей, окружающей обстановки, географического положения и т.д. Реконструкция дискурса в телеформате исследуемого сериала ‘Downton Abbey’ представлена в форме диалогов коммуникантов, живших в Эдвардианскую эпоху. На речь коммуникантов оказали влияние гендерные, возрастные и социальные различия, выраженные в употреблении тех или иных лексем и словосочетаний в дискурсах представленных персонажей.

Ключевые слова: дискурс; кинодискурс; дискурс телеформата; реконструкция дискурса; дискурс реконструкции; Эдвардианская эпоха; ‘Downton Abbey’.

Alina A. Kutsenko

**DISCOURSE OF THE EDWARDIAN ERA RECONSTRUCTION
IN THE TV-FORMAT**

Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia.

E-mail: alinaconfiture@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the identification and study of the reconstruction of ethnic and social specificity of the Edwardian era discourse features in the modern British ‘Downton Abbey’ (2010-2016) historical television series. Various definitions of the ‘discourse’, ‘film discourse’, ‘discourse of cinematography’ concepts are presented and compared. The authors’ definitions of the ‘TV-format’ and ‘TV-format discourse’ concepts are formulated and discussed. Further, such peculiarities of the TV-format discourse as discourse reconstruction and discourse of reconstruction in the TV-format are revealed and considered. The similarities and differences of the revealed features are explored through the example of the discourse in the TV-format of one of the episodes of ‘Downton Abbey’, a British historical TV-series. It is revealed that the Edwardian era reconstruction discourse in the TV-format can be seen in the reconstruction of the historical event ‘the use of electricity in everyday life’, which really happened precisely in the beginning of the XX century, and also the combination in accordance with the epoch-screened images of characters, the environment, geographical location, etc. The discourse reconstruction in the TV-format of the ‘Downton Abbey’ TV-series is presented in the dialogue form of communicants who lived in the Edwardian era. Gender, age and social differences effect the communicants’ speech. These differences are expressed in the use of certain lexemes and word combinations in the presented characters discourses.

Key words: discourse; movie discourse; TV-format discourse; discourse reconstruction; reconstruction discourse; Edwardian era; ‘Downton Abbey’.

Введение

На современном этапе развития лингвистики, который отличается высокой степенью антропоцентризма, дискурс является одним из наиболее эвристических объектов исследования: «представляя собой результат интеграции двух взаимосвязанных процессов – когниции и коммуникации, он выступает продуктом многоаспектной деятельности человека и, следовательно, репрезентирует все антропоцентрические координаты функциональной представленности

человека в языке, к основным из которых относятся две – говорящий и субъект познания» (Магировская, 2014: 76).

Основная часть

Под дискурсом в самом общем смысле понимают речь, связный текст, процесс языковой деятельности. Однако, «в специальном, социогуманитарном смысле – это социально обусловленная организация системы речи, а также определённые принципы, в соответствии с которыми реальность классифицируется и репрезентируется

(представляется) в те или иные периоды времени» (дискурс, <http>).

Британский лингвист П. Мэттьюс трактует дискурс немного иначе: «discourse is any coherent succession of sentences, spoken or written» (Matthews, 2005: 100) – «дискурс есть любая связная последовательность предложений, в устной или письменной форме» (Перевод наш: А.К.).

Исследуя феномен «дискурс», следует понимать, что четкого и общепризнанного определения данного понятия, затрагивающего все сферы его употребления, не существует. В связи с этим, термин пользуется широкой популярностью в научных и ненаучных кругах, особенно в последние десятилетия. «Своеобразной параллелью многозначности этого термина является и поныне не устоявшееся ударение в нем: чаще встречается ударение на втором слоге, но и ударение на первом слоге также не является редкостью» (Фельдман, 2003: 90).

В отечественном языкознании анализировать дискурс стали лишь в самом конце XX века. Отечественную школу, по мнению Н.Ф. Алефиренко, «отличает лингвоцентрический подход к пониманию дискурса» (Алефиренко, 2009: 240). Опираясь на базу дискурсивных исследований англо-американской и французской школ, термин дискурс в современном российском языкознании также обретает множество значений и имеет ряд трактовок. Дискурс в разное время исследовали и продолжают исследовать В.И. Карасик, Т.М. Николаева, Е.А. Огнева, Н.Д. Арутюнова, В.В. Красных, А.А. Кибрик и другие.

Отечественный лингвист В.З. Демьянков определяет дискурс как «речь (в частности, текст) в ее

становлении перед мысленным взором интерпретатора. Интерпретатор помещает содержание очередной интерпретируемой порции дискурса в рамки уже полученной промежуточной или предварительной интерпретации. В результате устраняется, при необходимости, референтная неоднозначность, определяется коммуникативная цель каждого предложения и шаг за шагом выясняется драматургия всего дискурса» (Демьянков, 2007: 89).

Н.Д. Арутюнова рассматривает дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами», то есть «речь, погруженную в жизнь» (Арутюнова, 1990: 136).

Как и любой другой объект лингвистических исследований, дискурс имеет свою классификацию или типологию. Свои типологии дискурса представляли многие лингвисты: В.И. Карасик, В.Б. Кашкин, Ю.В. Рождественский; среди зарубежных типологий известна типология Т. ван Дейка и др. Каждый исследователь выдвигает свою классификацию, основанную на различных критериях, исходя из личной позиции. Мы не будем приводить в данной работе классификации дискурса, остановимся лишь на одном его типе – дискурсе телеформата, связанного с понятиями «кинодискурс», «дискурс кинофильма», «дискурс кинематографа» и выявим его особенности.

Дискурс кинофильма изучали различные исследователи: М. Дайнел, С. Козлофф, К. Ричардсон, Д. Кулпепер, К. Бубел, А. Шпиц, П. Кваглио.

Среди отечественных ученых, исследовавших кинодискурс и

кинотекст, известны работы Ю.М. Лотмана, М.А. Ефремовой, А.Н. Зарецкой, Ю.Г. Сороки, Е.Б. Ивановой, И.Н. Лавриненко, С.С. Назмутдиновой, Г.Г. Слышкина и др.

С.С. Назмутдинова определяет кинодискурс как «семиотически осложненный динамичный процесс взаимодействия автора и кинореципиента, протекающий в межъязыковом и межкультурном пространстве с помощью средств киноязыка, обладающего свойствами синтаксичности, вербально-визуальной сцепленности элементов, интертекстуальности, множественности адресанта, контекстуальности значения, иконической точности, синтетичности» (Назмутдинова, 2008: 7).

А.Н. Зарецкая под кинодискурсом понимает «связный текст, являющийся вербальным компонентом фильма, в совокупности с невербальными компонентами – аудиовизуальным рядом этого фильма и другими значимыми для смысловой завершенности фильма экстралингвистическими факторами, т. е. креолизованное образование, обладающее свойствами целостности, связности, информативности, коммуникативно-прагматической направленности, медийности и созданное коллективно дифференцированным автором для просмотра реципиентом сообщения (кинозрителем)» (Зарецкая, 2012: 32). Кроме того, А. Н. Зарецкая разграничивает понятия «кинодискурс» и «киносценарий» (подробнее: Зарецкая, 2012: 37).

Наряду с понятием кинодискурс существует понятие теледискурс. Теледискурс может быть рассмотрен как «совокупность динамичных когнитивных форматов знания, а именно когнитивных сцен и когнитивных сценариев» (Огнева, 2017: 682).

В нашем исследовании представляется интересным изучение особенностей дискурса телеформата – разновидности кинодискурса, имеющего, однако, свои специфические черты и структуру.

По нашему мнению, телеформат, представляющий собой исследовательский конструкт, совокупность вербализованной в фильме информации и образующий целостный когнитивный телересурс, как озвученный, так и виде субтитров, является также в какой-то степени реконструкцией: в нем должна быть наиболее полно и точно воспроизведена реальность.

Поскольку любой телесериал или художественный фильм состоит из сочетания вымышленных событий и реальных фактов, точность воспроизведения которых зависит от степени осведомленности и подкованности авторов того или иного произведения кинематографа в экранизируемом предмете, то можно сделать вывод о том, что самыми сложными по части реконструкции реальных фактов являются исторические фильмы и сериалы, причем чем более ранняя историческая эпоха реконструируется, тем труднее найти исчерпывающее количество достоверных исторических источников. Зачастую низкий рейтинг кинокритиков и зрителей оправдан недоработкой сценаристов и режиссеров по части достоверности экранизируемого материала. В каждом историческом периоде существуют свои особенности, так называемые маркеры, наличие которых свидетельствует о том, какая это эпоха. Это могут быть определенные исторические события, произошедшие в ту или иную эпоху, манера общения людей, живших в то время и,

соответственно, образ самих людей, традиции, обстановка: образ географического места, включающий в себя образ природы, городов, деревень, улиц, зданий и т.д. Чаще всего эти особенности связаны с достижениями технического прогресса и моды, причем, оба эти критерия также зависят друг от друга.

Наиболее частотны экранизации XIX и XX веков, особенно в Британских исторических фильмах и телесериалах. Это объясняется тем, что именно в течение этих двухсот лет произошло множество политических, экономических, военных и других событий, изменивших ход истории, сформировавших и определивших облик современной Британии. Особенно интересны реконструкции середины XIX – середины XX веков, ведь именно этот столетний период включает две богатые на события эпохи – Викторианскую (1837-1901 гг.) и Эдвардианскую (1901-1910 гг.), однако, многие исследователи считают, что Эдвардианская эпоха закончилась немного позднее – в 1914 году, с началом I Мировой Войны, навсегда изменившей исторически сложившийся образ жизни не только на Британских островах, но и во всем мире.

Викторианская и Эдвардианская эпохи признаны временем технического прогресса, различных открытий в медицине, астрономии, физике, психологии, лингвистике, биологии, химии, промышленности, строительстве и т.д. Каждый год этого столетия появлялись и внедрялись все новые изобретения и технологии: это появление и применение в быту паровых двигателей, электричества, автомобилей, телефона, фонографа, фото и киноаппарата, микроскопа, и

связанных с ним открытий в медицине и биологии, изобретение новых более легких и прочных материалов и конструкций, повлекших за собой строительство небоскребов, аэропланов и легендарных гигантских транс-континентальных лайнеров, самым известным из которых стал печально знаменитый «Титаник», затонувший где-то посреди Атлантики в апреле 1912 г. Помимо всего прочего, XIX и начало XX века это время наиболее четко выраженных социальных контрастов, которые особенно ярко проявились в Эдвардианскую эпоху: социальное неравенство и строгая иерархия внутри каждого из трех классов стала неотъемлемой частью жизни и быта британцев и достигла своего апогея к началу I Мировой Войны, послужив толчком к началу эмансипации, революционных движений, волнений в общественных массах, приведших к размытию столь четких до этого границ между высшим обществом, средним и рабочим классами.

С точки зрения истории, Викторианская и Эдвардианская эпохи закончились сравнительно недавно, архивы и исторические источники, такие как художественная литература, справочники, руководства по ведению домашнего хозяйства, дневники и мемуары, представляют собой богатый материал по описанию традиций и быта, а также произошедших в те времена событий и достижений в различных научных областях. Именно это является одной из главных причин столь частотной экранизации названных выше эпох, причем многие произведения кинематографа в телеформате которых реконструируются события XIX и XX веков признаны мировыми шедеврами.

Поскольку дискурс есть явление многогранное, охватывающее помимо самой речи коммуникантов еще и образы самих коммуникантов и экстралингвистический фон, можно сделать вывод, что осмысление и выявление особенностей понятия «дискурс реконструкции в телеформате» представляет научный интерес как для исследований в области дискурсологии, так и для лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и лингвистики в целом.

Дискурс реконструкции в телеформате того или иного произведения кинематографа, по нашему мнению, представляет собой наиболее достоверное воспроизведение авторами реальности: исторической эпохи, манеры общения, моральных и культурных ценностей, традиций, обстановки, образов героев и особенности их речи и т.д. при помощи акустических и визуальных каналов передачи информации. Однако, как уже отмечалось выше, степень достоверности зависит от осведомленности авторов в той области, которая затрагивает реконструируемые в телеформате события.

Также не стоит смешивать понятия «дискурс реконструкции в телеформате» и «реконструкция дискурса телеформата». Первое понятие является общим по отношению ко второму, и включает в себя все реконструируемые компоненты, перечисленные выше, тогда как реконструкция дискурса телеформата представляет собой воссоздание дискурса конкретного коммуниканта, жившего в реконструируемой исторической эпохе.

В нашем исследовании выявляются особенности реконструкции этносоциальной специфики Эдвардианской

эпохи в современных телесериалах, следовательно, дискурс реконструкции Эдвардианской эпохи в телеформате затрагивает реконструкцию эпохи в целом, а именно реконструкцию произошедших в начале XX века событий, особенности традиций и быта именно этого периода, реконструкцию образов коммуникантов, включающую их внешний вид, зависящий от социального положения и моды того времени, манеру общения людей, живших в Эдвардианскую эпоху, природу и образы населенных пунктов в соответствии с географическим положением, их облик также имел характерные в то время черты и т.д.

Реконструкция дискурса Эдвардианской эпохи в телеформате исторического телесериала представляет собой, по нашему мнению, воссоздание особенностей речи того или иного коммуниканта, жившего именно в Эдвардианскую эпоху, речь которого имеет свою специфику, связанную со временем и местом проживания коммуниканта: Британия начала XX века и личностными особенностями, включающими гендерные, возрастные, социальные, внешние и другие различия, а также черты характера, уровень образованности и т.д.

Только тогда, когда максимально точно соблюдены все перечисленные особенности, относящиеся как к дискурсу реконструкции в телеформате, так и к реконструкции дискурса в телеформате, можно делать выводы о высокой степени достоверности воспроизведения исторической эпохи в том или ином фильме или телесериале.

Приведем примеры.

Одним из известнейших современных телесериалов, повествующих о жизни и быте Британии начала

XX века является Британский исторический телесериал ‘Downton Abbey’ («Аббатство Даунтон» 2010-2016 гг.). В сериале реконструируется быт в богатом поместье на границе Англии и Шотландии, освещаются основные исторические события сначала Эдвардианской эпохи (1 сезон), такие, как гибель «Титаника», повсеместное распространение электричества, телефона, граммофонов, радио и т.д., затем затрагивается период Первой Мировой войны (2 сезон): битва на Сомме, превращение поместья Даунтон в госпиталь, вспышка Испанского гриппа, и далее уже реконструируется эпоха под названием Интербеллум, включающая межвоенный период (3-6 сезоны).

В одном из эпизодов первого сезона телесериала ‘Downton Abbey’, посвященного закату Эдвардианской эпохи (апрель 1912 г.), зритель может наблюдать следующую сцену: раннее утро, граф Грэнтем, хозяин поместья и его семья, состоящая помимо него из графини и трех взрослых дочерей, еще спят. Однако прислуга, особенно младшая, уже выполняет свои ежедневные обязанности. Одними их таких обязанностей, выполнение которых поручалось самой младшей прислуге – шестнадцатилетней судомойке Дэйзи, было разжигание каминов, чернение плит и зажигание света. Однако, совсем недавно, в поместье был установлен электрогенератор, и в доме появилось электричество. Все газовые рожки и керосиновые лампы были заменены на электрические. «Все это было ново и стоило очень дорого, кроме того вызывало страх у жильцов, особенно у малообразованной прислуги <...> На заре появления электрического осве-

щения в домах, многие считали, что электричество отравляет воздух в комнатах вредными испарениями. Люди опасались, что электричество может просачиваться из стен или вытекать из розеток. Генераторы, которые обеспечивали автономной электроэнергией дома в эпоху короля Эдуарда, были тяжелыми и шумными, чаще всего их устанавливали в подвалах» (Куценко, 2014. [http](http://)). И, когда младшая горничная Гвен просит судомойку Дэйзи включить свет в гостиной, та просто не смеет этого делать, поскольку для нее новые выключатели – нечто новое и пугающее:

Пример 1.

Gwen: Why didn't you put the lights on?

Daisy: I daren't.

Gwen: Why? The electricity It's not the devil's handiwork. (Downton Abbey (2010) – S01E01 – English subtitles, [http](http://)).

Электричество вызывает страх не только у юной судомойки Дэйзи, но и у пожилой вдовствующей графини. Консервативная и чопорная леди Вайолет – настоящая аристократка, не терпящая ничего нового, склонная к суевериям и не признающая удобств технических изобретений, так же не желает иметь с новомодным электричеством ничего общего. Вдовствующая графиня живет в отдельном доме на территории поместья, в котором царит поистине Викторианский образ жизни, и естественно, никакого электричества там нет, и не будет. Зайдя в одном из эпизодов телесериала вместе с сыном, графом Грэнтемом, в малую гостиную, она выражает недовольство тем, что сын включил яркую электрическую лампу, прикрывает глаза веером и

сравнивает себя с актрисой театра, которой в лицо светят огни рампы:

Пример 2.

Violet, the Dowager Countess: Oh dear, such a glare! I feel as if I were on stage at the Gaiety.

Robert, Lord Grantham: We're used to it. <...> It's so convenient. The man who manages the generator could look after yours as well.

Violet, the Dowager Countess: No. I couldn't have electricity in the house. I wouldn't sleep a wink. All those vapours! (Downton Abbey (2010) – S01E01 – English subtitles, [http](http://)).

Заключение

В двух указанных выше и представленных в качестве примеров контекстах, дискурсом реконструкции Эдвардианской эпохи в телеформате является реконструкция одного исторического события – применение электричества в быту, что действительно произошло именно в начале XX века. О месте произошедшего события говорит географический аспект – север Британии, социальный аспект – наличие классового разделения, являющегося отличительной чертой Эдвардианской эпохи: жители богатого поместья – семья графа и прислуга, о принадлежности которых к тому или иному социальному классу говорят визуальные образы героев. Это дорогая и подобранная со вкусом и по моде того времени одежда и ухоженный внешний вид членов семьи Кроули, а также униформа прислуги, состоящая из строгих черных платьев, накрахмаленных передников и чепцов, имеющих лишь незначительные различия в соответствии занимаемой должностью, видя которую, зритель тот час понимает, что в телеформате реконструированы образы младшей,

старшей горничных и судомойки. Сочетание образов персонажей и окружающей обстановки в телеформате сериала «Аббатство Даунтон» – интерьеры гостиной, обеденного зала, библиотеки и т.д. также является реконструкцией дискурса Эдвардианской эпохи, поскольку соответствуют моде именно начала XX века.

Реконструкция же дискурса в телеформате сериала ‘Downton Abbey’ представлен в форме диалогов коммуникантов, живших в Эдвардианскую эпоху и связанные с этим гендерные, возрастные и социальные различия: обсуждение технической новинки – лексемы *electricity* и *generator* в дискурсах горничной, графа и вдовствующей графини и ее связанное с этим заблуждение об опасности электричества: *all those vapours!* Использование фразеологизмов *devil's handiwork* и *wouldn't sleep a wink* в дискурсах горничной и вдовствующей графини и т.д.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликтов интересов для декларации.

Information of conflict of interests: authors have no conflicts of interests to declare.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. «Живое слово»: проблемы функциональной лексикологии: монография. М.: Флинта: Наука, 2009. 344 с.
2. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. С. 136–137.
3. Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // IV Международная научная конференция «Язык, культура, общество». Москва,

27–30 сентября 2007 г.: Пленарные доклады. М., 2007. С. 86–95.

4. Дискурс. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Дискурс> (дата обращения: 17.11.2017).

5. Зарецкая А.Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе. Челябинск: Абрис, 2012. 192 с.

6. Куценко А.А. Лингвистическая и экстралингвистическая специфика реалий быта Эдвардианской эпохи в телеформате исторического сериала // Современные проблемы науки и образования, 2014. № 3. URL: <http://www.science-education.ru/117-13775> (дата обращения: 02.11.2017).

7. Магировская О.В. Дискурс как результат интерпретативной конфигурации знаний // Когнитивные исследования языка. Вып. XVII: Актуальные проблемы взаимодействия мыслительных и языковых структур. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. С. 76-83.

8. Назмутдинова С.С. Гармония как переводческая категория (на материале русского, английского, французского кинодискурса). Тверь, 2008. 18 с.

9. Огнева Е.А. Коммуникативные стратегии в дискурсе телесериала «Pride and prejudice» // Когнитивные исследования языка. Вып. XXIX. Когниция и коммуникация в лингвистических исследованиях: сб. науч. тр. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. С. 681-688.

10. Фельдман В.Е. Дискурс и дискурсивность // Вестн. Новг. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. № 25, 2003. С. 89-94.

11. Matthews, P.H. Oxford concise dictionary of linguistics. New York: Oxford University Press, 2005. 443 p.

12. Downton Abbey (2010) – S01E01 – English subtitles. URL: <http://www.podnapisi.net/downton-abbey-2010-subtitles-p908948> (дата обращения: 21.11.2017).

References

1. Alefirenko, N. (2009), «*Zhivoye slovo*»: *problemy funktsional'noy leksikologii: monografiya* [“The Living Word”: Problems of Functional Lexicology], Flinta, Moscow. [in Russian].

2. Arutyunova, N. (1990), “Discourse”, Soviet Encyclopedia, Moscow. [in Russian].

3. Demyankov, V. (2007), “Text and Discourse as Terms and Words of Everyday Language”, *Proc. 4th Int. Conf. “Language, Culture and Society”*, Moscow, Russia, 86-95. [in Russian].

4. *Discourse*, available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Дискурс> (date of access: November 17, 2017). [in Russian].

5. Zaretskaya, A. (2012), *Osobennosti realizatsii podteksta v kinodiskurse* [Subtext Realization Features in Movie Discourse], Arbis, Chelyabinsk. [in Russian].

6. Kutsenko, A. (2014), “Edwardian Realities of Life Linguistic and Extralinguistic Specificity in the TV-Format”, *Modern Problems of Science and Education*, 3, available at: <http://www.science-education.ru/117-13775> (date of access: November 2, 2017). [in Russian].

7. Magirovskaya, O. (2014), “Discourse as a result of interpretive knowledge configuration”, *Proc. 17th Int. Congress “Language Cognitive Studies: Current Interaction Problems of Cogitative and Language Structures”*, Tambov, Russia, 76-83. [in Russian].

8. Nazmutdinova, S. (2008), Harmony as Translational Category (In Terms of Russian, English and French Movie Discourse), Tver. [in Russian].

9. Ogneva, E. (2017), Communicative Strategies in ‘Pride and prejudice’ TV-Series Discourse, *Proc. 28th Int. Congress “Language Cognitive Studies: Cognition and Communication in Linguistic Studies”*, Tambov, Russia, 681-688. [in Russian].

10. Feldman, V. (2003), “Discourse and Discursivity”, *Bulletin of Novgorod State University: Humanities series*, 25, 89-94. [in Russian].

11. Matthews, P. (2005), *Oxford concise dictionary of linguistics*, Oxford University Press, New York.

12. *Downton Abbey (2010) – S01E01 – English subtitles*, available at: <http://www.podnapisi.net/downton-abbey-2010-subtitles-p908948> (Accessed 21 November 2017).

Куценко Алина Александровна, ассистент кафедры иностранных языков Педагогического института НИУ «БелГУ», аспирант, Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

Alina A. Kutsenko, Postgraduate Student, Assistance Lecturer, Department of Foreign Languages, Teachers' Training Institute, Belgorod State National Research University.

УДК 81`1

DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-1-13-21

Лаврищева Е. В.

**РОЛЬ ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ
В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОГНИТИВНОГО ФРАГМЕНТА
«ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО»**

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина;
адрес: ул. Коммунаров, д. 28, Елец, Липецкая область, 399770 Россия
E-mail: eklav@mail.ru

Аннотация. В данной статье проводится анализ русской и немецкой соматической лексики, в том числе и в составе соматических фразеологизмов, участвующих в репрезентации когнитивного фрагмента «эмоциональное пространство». Актуальность данной проблемы обусловлена, во-первых, тем, что соматическая лексика является одним из самых важных и когнитивно значимых участков любого языка, анализ соматизмов позволяет проследить формирование и развитие когнитивного опыта человека. Во-вторых, концептуальная метафора является одним из основных способов структурирования окружающей нас действительности, при этом важная роль в этом процессе отводится антропоморфной (физиологической) метафоре. В ходе анализа языкового материала, полученного методом сплошной выборки из лексикографических источников – толковых, синонимических и фразеологических словарей, сборников пословиц, поговорок русского и немецкого языков – была выделена метафорическая модель «соматизм→дисфункция органов», как наиболее частотная и продуктивная при репрезентации рассматриваемого когнитивного фрагмента. Кроме того, были определены метафоры, конкретизирующие выделенную метафорическую модель (пространственная, температурная, метафора препятствия). В статье анализируются сходства и различия в концептуальном восприятии эмоционального пространства немцев и русских.

Ключевые слова: концептуальная метафора; антропоморфная (физиологическая) метафора; метафорическая модель; соматизм; соматические фразеологизмы; эмоциональное пространство.

Ekaterina V.
Lavrishcheva

**THE ROLE OF A PHYSIOLOGICAL METAPHOR
IN THE REPRESENTATION OF THE COGNITIVE
FRAGMENT «EMOTIONAL SPACE»**

Yelets State University named after I.A. Bunin, 28 Kommunarov St., Yelets,
Lipetsk region, 399770, Russian Federation
E-mail: eklav@mail.ru

Abstract. The article covers the analysis of the Russian and German somatic vocabulary, including somatic phraseological units which represent the

cognitive fragment “emotional space”. The importance of the problem is based on the fact that, firstly, somatic vocabulary is one of the most significant parts of a language in its cognitive aspect; the analysis of somatisms allows the researcher to follow the formation and development of the cognitive experience of mankind. On the other hand, the conceptual metaphor is one of the major means of structuring of our reality where an anthropomorphical (physiological) metaphor plays an important role. In the analysis of the language material obtained by the method of continuous sampling from lexicographical sources – explanatory dictionaries, dictionaries of synonyms, phrase-books, collections of Russian and German proverbs and sayings – the author identifies the metaphorical model “somatisms→organs dysfunction” as the most frequently used and the most productive in the representation of the cognitive fragment. Besides, the researcher identifies the metaphors specifying the selected metaphorical model (space, temperature, obstacle metaphor). Similarities and differences in the conceptual perception of emotional space by Russians and Germans are analysed in the article.

Key words: conceptual metaphor; anthropomorphical (physiological) metaphor; metaphorical model; somatisms; somatic phraseological units; emotional space.

На протяжении многих десятилетий ученые занимаются вопросами, каким образом кодируется и передается информация, получаемая человеком в процессе познания самого себя и окружающего его мира.

Многие ученые указывают на то, что человек предрасположен к метафорическому восприятию окружающей действительности (Лакофф, 2004: 195). К. Тилли отмечает, что вся наша привычная концептуальная система восприятия по сути своей метафорична (Tilley, 1999: 16).

Если обратиться к истории изучения метафор, то в рамках традиционной теории (Аристотель, В.В. Виноградов, В.Н. Телия, Г.В. Колшанский, Э. Кассирер и др.) метафора рассматривалась как фигура речи, но с изменением научной парадигмы процессы метафоризации стали изучать как когнитивный процесс, как операции над знаниями, которые приводили к трансформации онтологического

статуса знаний, когда «неизвестное становится известным, а известное, в свою очередь, совершенно новым») (Баранов, Караулов, 1991: 190). Концептуальная метафора – ментальная операция, способ концептуализации, категоризации, познания и объяснения мира (Лакофф, 2004: 126-170; Чудинов, Будаев, 2007: 54). Концептуальная метафора является продуктом аналоговых возможностей разума человека, помогает структурировать окружающую действительность, формирует особый взгляд на окружающую действительность, служит продуктивным средством формирования вторичных номинаций, что приводит к осмыслению сущности одной понятийной области через другую: в ее категориях и свойственных ей понятиях (Баранов, 2007: 71; Чес, 2008: 183; Чудинов, 2012: 126). Кроме того, метафора может оказывать воздействие на сознание человека, поскольку язык является средством выражения

стереотипных представлений (Зарипов, 2016: 8; Сорокина, 2014: 19).

Сходство отдельных признаков уже названной в языке и вновь называемой реалии приводит в результате метафоризации к созданию переосмысленного значения для наименования новой физически воспринимаемой реалии или явления (*подножие горы, голова сыра, спинка стула; ein Kopf Salat, das magische Auge=Rundfunk, Fuß(e) des Berges*) или для создания нового понятия в ходе его именования с помощью метафоры (Телия, 1988: 184).

Как отмечает О.И. Глазунова, метафоры используются как средство характеристики концептуальных представлений человека об окружающей его действительности, при этом используется терминология других представлений, если отсутствует возможность выразить их иным образом. Метафорически переосмысленные понятия пространства, движения и действия используются для репрезентации представлений о состояниях и их изменении, событиях, действиях (Глазунова, 2000: 124).

Метафорические модели выступают в языке как элементы целостной системы вербальных репрезентаций понятийно-аналоговой метафорической модели, которая фиксируется в сознании носителей языка. Данная система имеет регулярный характер, она устойчива и основывается на прочности понятийной структуры в ментальном мире человека. Именно этим объясняется универсальный характер большинства метафорических единиц (Темиргазина, 2017: 6).

Концептуальная метафора способна объединять конкретные и абстрактные понятия и превращать подобного рода сведения в новые концепты. Процесс метафоризации позволяет объединить практический и интеллектуальный опыт человека, а также все культурное достояние народа, сложившиеся в определенной культуре стереотипы и мифические представления. В процессе освоения окружающего пространства человек называет не только чувственно воспринимаемые предметы и явления. Он также с помощью языка через сопоставления, вербально-образные ассоциации и аналогии создает «вторичный» мир, в котором «опредмечиваются» непредметные, абстрактные сущности. Подобный способ освоения непредметных сущностей Н.К. Рябцева называет «принципом наглядности». Согласно этому принципу явления, не имеющие единиц измерения, получают количественную интерпретацию, имеющую аксиологический смысл, внутренний мир человека параметризуется, формируются представления о пределе и интенсивности, происходит «фразеологическое кодирование опыта» через метафоризацию, семиотизацию, символизацию (Рябцева 2005: 125-126).

В процессе познания человеком самого себя и окружающего его мира важную роль играет физиологическая метафора, сферой-источником которой является анатомия и физиология человеческого тела. Физиологическая метафора не случайно является одной из самых распространенных и продуктивных моделей. Основу всех видов метафоризации составляют ассоциативные связи в пределах человеческого опыта, с помощью

метафоры происходит формирование нового гносеологического опыта. А.П. Чудинов отмечает, что опыт, получаемый человеком в результате его непосредственного взаимодействия с окружающим миром является базовым источником знаний. При этом ученый подчеркивает, что физический опыт является диахронически первичным, именно он организует категоризацию действительности в виде простых когнитивных структур – «схем образов» (Чудинов, 2008: 144). Принцип антропоцентризма реализуется и при создании эталонов, стереотипов, и они могут выступать в качестве ориентиров при восприятии действительности. Создание эталона – это результат когнитивной деятельности человека, именно эталоны и стереотипы связывают воедино процессы восприятия и познания окружающей действительности (Телия, 1988: 197). Следует отметить, что выбор источника метафорической экспансии обусловлен универсальной способностью человека воспринимать и соизмерять все новое для него (в том числе и реально несоизмеримое) по своему образу и подобию или же по пространственно воспринимаемым объектам, с которыми человек имеет дело в практическом опыте.

Таким образом, можно говорить о том, что тело человека и части тела являются не только мерой всех вещей, но и составляют основу концептуализации внешнего и внутреннего мира человека.

Целью нашего исследования является анализ лексико-фразеологических средств вербализации когнитивного фрагмента «эмоциональное пространство» и анализ метафорических моделей,

служащих для его репрезентации в русской и немецкой языковой картине мира.

Анализ языкового материала позволяет говорить о том, что образование метафор заключается в актуализации различных концептуальных характеристик исходной понятийной области «соматизм» и их переносе в новую понятийную область – «эмоциональное пространство», при этом важную роль играет базовая метафорическая модель (далее ММ): антропоморфная (физиологическая) метафора «соматизм→дисфункция органов». Данная ММ является актуальной и продуктивной при реализации концептов «раздражение», «гнев», «злость», «ярость», «печаль», «грусть», «тоска», «уныние», «горе», «отчаяние», «страх», «удивление», «хладнокровие», «волнение», «стыд», «смущение», «радость», «счастье».

При репрезентации концептов «раздражение», «гнев», «злость», «ярость» ММ «соматизм→дисфункция органов» используется для характеристики состояния субъекта: *ihm kommt die Galle hoch* (разг.), *ihm läuft die Galle über, aus der Haut fahren; кровь бросилась в голову, жёлчь душит кого-либо/поднялась в ком-либо)*. В данных примерах ММ «соматизм→дисфункция органов» конкретизируется пространственной метафорой, при этом вопреки стереотипным представлениям, движение по направлению «верх» воспринимается негативно, поскольку приводит к нарушению нормального функционирования органов.

ММ «соматизм→дисфункция органов» реализуется в русских и немецких соматических

фразеологизмах с компонентом «желчь/Galle»: *В событиях на Болотной и на Сахарова я увидел не только справедливый протест против политики властей, но и необъяснимую желчь некоторых оппозиционных сил конкретно против Путина* (Комсомольская правда. 23.01.2013); *Natürlich spuckt nun der blaue Parteianwalt Gift und Galle, und Richter Schnizer blieb nichts anderes übrig, als sich bei seinem Präsidenten brieflich zu entschuldigen* (Die Zeit, 06.10.2016). В русском и немецком языках нашло свое отражение «наивное» представление о том, что, если человек испытывает отрицательные эмоции, в частности, гнев, желчь поступает в кровь человека в избыточных количествах.

ММ «соматизм→дисфункция органов» реализуется также и через метафору «соматизм→жара»: *j-m das Blut in den Adern sieden machen; Сердце горит, голова пылает, требует мести, а поступки достойнейшие* (В. Железников. Чучело). Традиционно теплая температура связана с положительной оценкой, а холодная воспринимается как что-то негативное. Но если температура превышает норму, происходят изменения в аксиологическом фоне, и соматические фразеологизмы репрезентируют высокую степень интенсивности проявления эмоции и передают отрицательную оценку.

В отличие от немецкого языка в русском языке ММ «соматизм→дисфункция органов» может быть конкретизирована и с помощью метафоры препятствия: объект, который послужил причиной гнева, мыслится как препятствие, помеха: *сидит в печенках* (прост.), *стоять (становиться) поперек горла*

(прост.), *стоять колом (колом, костью) в горле*.

И в русской, и в немецкой языковой картине мира зафиксировано также и внешнее проявление данной эмоции, которое может сопровождаться разными формами физиологического проявления: может измениться цвет лица, гнев может вызвать тремор и пр.: *er war grün vor Galle; weiß im Gesicht; сверкать глазами; Эва-а-а! – удивленно и даже как бы обрадовано, что подозрения ее оказались не пустыми, протянула Семеновна и вдруг подскочила на своих больных ногах, сдавленно, зайдясь от бешенства, вскрикнула и долго не в состоянии была выговорить ни слова, только трясла головой*. (В. Распутин. Живи и помни).

ММ «соматизм→дисфункция органов» используется и при репрезентации концептов «печаль», «грусть», «тоска», «уныние», «горе», «отчаяние»: *j-m blutet das Herz, j-m ist (wird) das Herz schwer, das Herz schnürt (krampft) sich j-m zusammen; сердце кровью обливается, камень на сердце, сердце перевертывается, свет померк в глазах*. И в русской, и в немецкой языковой картине мира находит свое отражение представление о нарушении нормального функционирования органов, если человек испытывает данные эмоции.

Основным способом вторичной номинации при репрезентации концепта «страх» также является ММ «соматизм→дисфункция органов». Данная эмоция приводит к нарушению физиологически важных функций организма, а именно к остановке сердца (*j-m steht das Herz still*), потере способности дышать (*j-m an die Kehle gehen, die Angst schnürte ihm die Kehle*

zu), интенсивной реакции организма (*Blut (und Wasser) schwitzen*).

В русской и немецкой языковой картине мира ММ «соматизм→дисфункция органов» может детализироваться и с помощью пространственной метафоры. Изменение анатомического расположения органов, отклонении от нормы, нарушение функционирования организма в целом и отдельных органов человеческого тела может свидетельствовать о высокой степени интенсивности испытываемой эмоции (*j-m rutschte das Herz in die Hosen* (разг., шутл.); *сердце в пятки ушло*). Психофизиологическая симптоматика *страха* реализуется в концептуальной метафоре потери устойчивости, оцепенения, неподвижности, что приводит к слабости и к потере способности двигаться вообще (*ihm brachen die Knie; Die Knie wurden weich, der Schock meldete sich zurück*. (J. Zeh. Spieltrieb); *ноги подкосились; И снова стало так страшно, что ноги подкосились, схватилась за Алешу, чтобы не упасть* (М. Шишкин. Венерин волос).

Кроме того, в состоянии страха у человека происходит понижение температуры тела, что было зафиксировано в ходе ряда физиологических экспериментов. Подобное состояние организма реализуется на концептуальном уровне через метафору «соматизм→холод»: *das Blut erstarrt (stockt, gefriert) in den Adern, die Haut schauderte ihm, die Haut schauert, es lief ihm den Rücken herunter, die Haare stehen zu Berge; мороз по коже (спине) дерет, мурашки бегают по коже, кровь стынет, мурашки бегают по телу (спине, коже); волосы*

становятся дыбом, волосы шевелятся на голове.

Концепт «удивление» реализуется и в русском, и в немецком языке также с помощью ММ «соматизм→дисфункция органов». Высокая степень проявления удивления, интенсивность данного состояния имеют, как правило, внешние проявления: *große Augen machen* (разг.), *Maul (Mund) und Nase aufsperrren, mit offenem Munde dastehen* (разг.), *den Mund aufreißen, j-m gehen die Augen hoch auf* (разг.); *смотреть (глядеть) большими глазами, глаза на лоб лезут (полезли), делать большие (круглые) глаза, открыть рот*.

При репрезентации концепта «хладнокровие» ММ «соматизм→дисфункция органов» конкретизируется метафорой холода: *immer kalt Blut und warm angezogen* (шутл.), *kaltes Blut bewahren*, ср. в рус.яз. *хладнокровие*). Данная метафора имплицитно реализуется и в соматическом фразеологизме (*nur ruhig Blut*). Обычно холод вызывает отрицательные ассоциации, но если температура превышает допустимую норму, то раскаленные предметы (чувства) могут восприниматься как опасные.

При репрезентации концепта «волнение» в русском и немецком языках также важную роль играет ММ «соматизм→дисфункция органов»: *кусок в горло не идет, ни кровинки в лице нет, лица нет, вгонять в пот;*

«*Wer ist dort?*»

«*Ludwig Kern*».

Die Stimme am Telefon schwieg einen Augenblick. «Ludwig...», sagte sie dann wie atemlos. «Du, Ludwig?»

«*Ja....*» *Kern fühlte plötzlich sein Herz hart schlagen, als wäre es ein Hammer. «Ja, bist du es, Ruth?»; ...Der*

Mann ging ein paar Schritte von der Theke weg. Kern folgte ihm. Sein Herz klopfte plötzlich wie rasen; ...Kern sah ihn erstaunt an. Und plötzlich verstand er alles. Das kräftige Weib an der Tür. – Sein Herz schlug einen Augenblick wie ein Hammer gegen seine Rippen. Er wollte aufspringen, seinen Vater nehmen, mit ihm fortrennen....;...Drei Tage später kam Steiner über die Grenze. ...Steiner war ein harter Mensch, aber als er die Grenze überquert hatte, nass von kaltem Schweiß, drehte er sich um und sagte, wie irrsinnig in die Richtung, aus der er kam, den Namen seiner Frau. (Е.М. Remarque. Liebe deinen Nächsten).

Для репрезентации концептов «стыд», «смущение» в русском и немецком языках ММ «соматизм→дисфункция органов» конкретизируется пространственной метафорой: *das Blut stand ihm in den Ohren, das Blut stieg ihm ins Gesicht (in die Wangen); кровь бросилась в лицо.* Кровь в наивной языковой картине мира получает символическое значение «носитель чувств» и под воздействием некоторых эмоций кровь начинает стремительное движение вверх. Именно поэтому наиболее продуктивным в немецких и русских СФ является образ покрасневшего лица.

Основу соматических фразеологизмов, репрезентирующих концепты «радость» и «счастье» в русском и немецком языках, также составляет ММ «соматизм→дисфункция органов», которая дополняется пространственной метафорой: *j-t lacht das Herz im Leib(e); надрывать животики (кишки) (прост.), хвататься за живот; не слышать ног под собой; Когда я увидела Менухина, который «клевал» ...чёрный рис из моей тарелки, помню,*

у меня перехватило горло от ощущения, какая я счастливая.... (С. Спивакова. Не всё). Анализ языкового материала позволяет выявить интересный факт, что изменение нормального анатомического расположения органов под влиянием данной эмоции в русском языке реализуется через движение вниз, а в немецком – вверх: *Сердце ухнуло в живот от радости. Значит, ему здесь скучно, а со мной – нет! (О. Зуева. Любишь меня, а целуешь другую); j-t geht das Herz auf.*

Таким образом, предпринятый нами анализ когнитивного фрагмента «эмоциональное пространство» с помощью соматической лексики, в том числе и в составе соматических фразеологизмов, позволяет сделать вывод о том, что наиболее частотной и продуктивной ММ является модель «соматизм→дисфункция органов». Данная ММ используется при репрезентации большинства эмоций и душевных состояний человека. ММ «соматизм→дисфункция органов» часто конкретизируются и другими метафорами:

- пространственной: при этом в отличие от стереотипных представлений движение вверх не всегда оценивается положительно, и, соответственно, движение по направлению вниз может получать положительный аксиологический статус;

- температурная: любое отклонение от нормы по шкале «тепло-холодно» оценивается, как правило, негативно;

- метафора препятствия (в русском языке): объекты, являющиеся причиной сильных эмоций, воспринимаются обыденным сознанием как преграды,

препятствия, локализующиеся в разных органах человеческого тела.

Выделенные нами ММ находят свою реализацию и в русской, и в немецкой языковой картине мира, что может указывать на единое концептуальное восприятие эмоционального пространства человека. Универсальность данных ММ можно объяснить тесной связью с физиологией. Все внешние проявления эмоций являются отражением физиологической реакции человека и их можно рассматривать как прототипические модели данного эмоционального состояния.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликтов интересов для декларации.

Information of conflict of interests: authors have no conflicts of interests to declare.

Список литературы

1. Бабкина В.А. Физиологическая метафора как средство создания образа современной России в немецких средствах массовой информации // Научный диалог. 2017. № 3. С. 9-18. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-3-9-18.
2. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991. 193 с.
3. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: Учебн. пособие. М.: Флинта; Наука, 2007. 592 с.
4. Баранов А.Н. Декрипторная теория метафоры. М.: Языки славянской культуры, 2014. 632 с.
5. Бурмакова Е.А., Маругина Н.И. Антропоморфная метафора в художественном дискурсе (на материале автобиографических рассказов В. М. Шукшина) // Научный диалог. 2015. № 3 (39). С. 29-45.
6. Глазунова О.И. Логика метафорических преобразований. СПб., 2000. 190 с.
7. Зарипов Р.И. Метафорическое моделирование образа России в современном французском политическом дискурсе М: Р. Валент, 2016. 220 с.
8. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ.; под редакцией и с предисл. А. Н. Баранова. М: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
9. Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект: Монография, М.: Academia, 2005. 640 с.
10. Сорокина Н.В. Национальные стереотипы в межкультурной коммуникации М.: РИОР: ИНФРА-М, 2014. 256 с.
11. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в сознании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 173-204.
12. Темиргазина З.К. Зооморфная модель метафоризации в русской и казахской зоологической терминологии // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. Тамбов, 2017. Т. 3. Вып. 1 (9). С. 5-9.
13. Чес Н.А. Функционирование метафорических концептов в политическом дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 555. С. 183-188.
14. Чудинов А.П., Будаев Э.В. Когнитивная теория метафоры на современном этапе развития // Вопросы когнитивной лингвистики. М., 2007. № 4 (13). С. 54-57.
15. Чудинов А.П. Метафора как средство представления знаний // Межд. конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. мат-лов. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. С. 143-144.
16. Чудинов А.П. Политическая лингвистика М: Флинта: Наука, 2012. 256 с.
17. Gordon J. Dialectic, Dialogue, and Transformation of the Self // Philosophy and Rhetoric. 1996. Vol. 29. No. 3. P. 259-278.
18. Gozzi R., Jr. The power of metaphor II A Review of General Semantics. 1999-2000. Vol. 56. Winter. N 4. P.380.

19. Tilley C., *Metaphor and Material Culture*. Oxford Malden, Mass Blackwell Publishers, 1999, 298 p.

References

1. Babkina, V. A. (2017), *Physiological metaphor as means of creating the image of modern Russia in German media*, Nauchny dialog, № 3, 9-18. [in Russian].

2. Barano, A. N. and Karaulov, Yu. N. (1991), *Russian political metaphor (dictionary materials)*, Moscow, Russia. [in Russian].

3. Baranov, A. N. (2007), *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika* [Linguistic analysis of the text: theory and practice: a study guide], Flinta; Nauka, Moscow, Russia. [in Russian].

4. Baranov, A. N. (2014), *Dekriptornaya teoriya metafory* [Descriptive theory of a metaphor], Jazyki slavyanskoy kul'tury, Moscow, Russia. [in Russian].

5. Burmakova, E. A. and Marutina, N. I. (2015), *Anthropomorphic metaphor in literary discourse (on autobiographical stories by V. M. Shukshin)*, Nauchnyy dialog, № 3 (39), 29-45. [in Russian].

6. Glazunova, O. I. (2000), *Logika metaforycheskikh preobrazovaniy* [The logic of metaphorical transformations], SPb. [in Russian].

7. Zaripov, R. I. (2016), *Metaforicheskoye modelirovaniye obraza Rossii v sovremennom frantsuzskom politicheskom diskurse* [Russia's image metaphorical modeling in modern French political discourse], R. Valent, Moscow, Russia. [in Russian].

8. Lakoff, G. and Johnson, M. (2004), *Metaphors we live by*, Editorial URSS. [in Russian].

9. Ryabtseva, N. K. (2005), *Yazyk i yestestvennyy intellekt: Monografiya* [Language and natural intelligence: a monograph], Academia, Moscow, Russia. [in Russian].

10. Sorokina, N. V. (2014), *Natsionalnyye stereotipy v mezhekulturnoy kommunikatsii* [National stereotypes in intercultural communication], RIOR: INFRA-M, Moscow, Russia. [in Russian].

11. Telia, V. N. (1988), *Metaphorization and its role in the perception of the linguistic world image// The role of human factor in a*

language: language and world image, Nauka, Moscow, Russia. [in Russian].

12. Temirgazina, Z. K. (2017), *Zoomorphic model of metaphorization in Russian and Kazakh zoological terminology*, Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Filologicheskie nauki i kul'turologiya, Vol. 3. Vyp. 1 (9), 5-9. [in Russian].

13. Ches, N. A. (2008), *Functioning of metaphorical concepts in political discourse*. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki, № 555, 183-188. [in Russian].

14. Chudinov, A. P. and Budaev, E.V. (2007), *Contemporary approaches to cognitive metaphor theory*, Voprosy kognitivnoy lingvistiki, № 4 (13), 54-57. [in Russian].

15. Chudinov, A. P. (2008), *Metaphor as a means of representing knowledge*, Mezhd. kongress po kognitivnoy lingvistike: Sb. materialov. Tambov: TGU im. G.R. Derzhavina, 143-144. [in Russian].

16. Chudinov, A. P. (2012), *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], Flinta: Nauka, Moscow, Russia. [in Russian].

17. Gordon, J. (1996), *Dialectic, Dialogue, and Transformation of the Self* // Philosophy and Rhetoric. Vol. 29. No. 3. 259-278.

18. Gozzi, R. (1999-2000), Jr. *The power of metaphor II A Review of General Semantics*. Vol. 56. Winter. N 4. P. 380.

19. Tilley, C. (1999), *Metaphor and Material Culture*. Oxford Malden, Mass Blackwell Publishers. 298.

Лаврищева Екатерина Владимировна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой романо-германских языков и перевода Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина.

Ekaterina V. Lavrishcheva, PhD in Philology, Head of Department of Romance and Germanic Languages and Translation, Yelets State University named after I.A. Bunin.

УДК 81' 22

DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-1-22-39

Черкашина Т. Т.¹
Суздальцева Л. С.²
Пермякова Н. С.³

**ЯЗЫК КАК СЛОВЕСНАЯ НОМИНАЦИЯ СПОСОБА
ПОЗНАНИЯ МИРА**

ФГБОУ «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)»
ул. Садовническая, д. 33, стр.1 г., Москва, 117997, Россия
E-mail: ttch2004@yandex.ru

ФГБОУ «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)»
ул. Садовническая, д. 33, стр.1 г., Москва, 117997, Россия
E-mail: lida_s_51@mail.ru

ФГБОУ «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)»
ул. Садовническая, д. 33, стр.1 г., Москва, 117997, Россия
E-mail: pns1949@mail.ru

Аннотация. В статье процесс номинации рассматривается через призму ретроспективного анализа взаимосвязи картины мира и национальной культуры; обосновывается значимость изучения языковой картины мира для понимания специфики национального самосознания; выявляются особенности русской языковой картины мира. Процесс познания мира рассмотрен с точки зрения его номинирования с учетом гетерогенных (разнородных), гетерохронных (познаваемых в разные отрезки времени), гетеросубстрактных (имеющих разную когнитивную основу) сведений о мире. Дается анализ имеющихся представлений различных научных школ на феномен "языковая картина мира". Авторы особо подчеркивают, что человек изначально пытался заменить реальный мир картиной, созданной в себе, т.е. в своем сознании. Особое место среди картин мира авторы отдают *языковой картине мира*, покрывающей все сферы человеческого знания и оказывающейся в системе различных картин мира наиболее долговечной, устойчивой (разумеется, лишь на том или ином конкретном временном срезе), стандартной. Этнос в целом, как и характеризующая его национальная культура, есть совокупность общего и специфического. Причем, по мнению авторов, каждый человек имеет свою индивидуальную картину мира. Доказывается, что смысловой универсум русского языка образуют такие признаки, как эмоциональность и широта русской души, "иррациональность", смирение, покорность, связанные с неагентивностью; приверженность морализированию как стремление

абсолютизации добра и зла; полярность оценок, неумение и нежелание идти на компромисс. Номинация в статье определяется как основной способ репрезентации мира, в котором обнаружен ее смысловой универсум и, соответственно, доминантные черты русской ментальности, нашедшие свое отражение в языке и культуре; исследуются исторические, географические, политические и религиозные факторы, повлиявшие на формирование русского культурного архетипа. Выделяется доминантная черта русской ментальности; анализируются этнические стереотипы, представляющие собой упрощенный, схематизированный, эмоционально окрашенный и достаточно устойчивый образ какой-либо этнической общности, но вместе с тем делается акцент на различии *автостереотипов* и *гетеростереотипов*. Делается вывод о неоднозначности в определении продуктивных способов номинации мира, при этом подчеркивается приоритет национально маркированных языковых элементов на всех уровнях языка, которые детерминированы прагматическим фактором в становлении языковой картины мира.

Ключевые слова: языковая картина мира; национальная культура; номинация, культурный архетип; русская ментальность.

Tatyana T. Cherkashina¹
Lydia S. Suzdaltseva²
Natalia S. Permyakova³

**LANGUAGE AS A VERBAL CATEGORY OF THE WAY
OF UNDERSTANDING THE WORLD**

FGBOU "Russian State University named after A. Kosygin (Technology, Design, Art)"
33 Sadovnicheskaya St., Moscow, 117997, Russia
E-mail: ttch2004@yandex.ru

FGBOU "Russian State University named after A. Kosygin (Technology, Design, Art)"
33 Sadovnicheskaya St., Moscow, 117997, Russia
E-mail: lida_s_51@mail.ru

FGBOU "Russian State University named after A. Kosygin (Technology, Design, Art)"
33 Sadovnicheskaya St., Moscow, 117997, Russia
E-mail: pns1949@mail.ru

Abstract. In the article, the process of nomination is studied through the prism of retrospective analysis of the relationship between the picture of the world and national culture; the authors explain the importance of studying the linguistic picture of the world for understanding the special nature of national identity and identify the peculiarities of the Russian linguistic picture of the world. The process of understanding the world is considered from the point of view of its being subject to heterogeneous (dissimilar), heterochronic (knowable at different periods of time), heterosubstituted (having different cognitive-based) information about the world. The analysis of the existing concepts of different

schools of thought on the phenomenon of the "linguistic picture of the world ". The authors emphasize that the man initially tried to replace the real world with a picture created in himself, i.e. in his mind. A special place among the pictures of the world, the authors give to a language picture of the world, covering all spheres of human knowledge and appearing in the system of different pictures of the world's as the most durable, sustainable (of course, only in a particular time sample), and standard. Ethnos in general, as well as its national culture, is a combination of the general and specific. Moreover, according to the authors, everyone has their individual view of the world. The authors prove that the semantic universe of the Russian language is formed by such features as emotionality and the breadth of the Russian soul, "irrationality", humility, and obedience, associated with non-agentiality; commitment to moralizing as a desire to absolutize good and evil; polarity of the estimates, inability and unwillingness to compromise. Nomination is defined in the article as the main way of representing the world in which its semantic universe and, accordingly, the dominant features of the Russian mentality, found in language and culture, are found; historical, geographical, political and religious factors that influenced the formation of the Russian cultural archetype are explored. A dominant feature of the Russian mentality is singled out; ethnic stereotypes are analyzed, representing a simplified, schematized, emotionally colored and fairly stable image of an ethnic community, but at the same time, the emphasis is placed on the difference between autostereotypes and heterostereotypes. The conclusion is made about the ambiguity in determining the productive ways of nominating the world, while emphasizing the priority of nationally marked language elements at all levels of the language, which are determined by a pragmatic factor in the formation of the linguistic picture of the world.

Key words: linguistic picture of the world; national culture; cultural archetype; Russian mentality.

Введение.

Любой национальный язык представляет собой универсальное, глобальное знание как результат работы коллективного сознания. Существуют разные виды человеческого сознания: индивидуальное сознание отдельного человека, коллективное обыденное сознание нации, научное сознание. Мир человека – это мир культуры. Ментально культура представлена картиной мира.

Основная часть.

Картина мира – это целостный образ, складывающийся в голове человека в процессе познавательной

деятельности, но это не зеркальное отражение реального мира.

Цель работы – рассмотреть язык как способ познания мира с точки зрения его номинирования. Картина мира – это реальность человеческого сознания. «Это гетерогенные (разнородные), гетерохронные (познаваемые в разные отрезки времени), гетеросубстрактные (имеющие разную когнитивную основу) сведения о мире» [17]. Картину мира можно трактовать как ментальную репрезентацию культуры и, как следствие, ей во многом свойственны характеристики, присущие культуре как феномену:

целостность, комплексность, историчность, многообразие, полиинтерпретируемость, способность к эволюции и т.п. "Каждый язык, – утверждал В. фон Гумбольдт, – описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку выйти дано лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка". По В. фон Гумбольдту, в процессах категоризации мира языку принадлежит ведущая роль, поскольку он представляет собой "мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека" [5]. Позднее ученый назовет этот промежуточный мир "подлинной реальностью". Э. Сепир считал, что мир строится на лингвистических привычках этноса, человек приспосабливается к миру с помощью языка, который выступает посредником для общения в социуме [3].

Основными материалами и методами исследования послужили труды Ю.Д. Апресяна, В. фон Гумбольдта, Ю.Н. Караулова, Г.В. Колшанского, Е.С. Кубряковой, Ж.-П. Сартра Б.А., Серебренникова, Н.М. Шанского и др. В качестве основных методов исследования в работе стал теоретический анализ литературы, наблюдение, а также описательный и сопоставительный методы.

Заметим, что номинация, будучи основным способом репрезентации мира в качестве объективной реальности, сопровождает человека в течение всей его жизни. А.Ф. Лосев утверждал: "...Наименовать вещь – значит понять ее, ибо тот, кто именуется что-нибудь, должен и отличать себя от именуемого (вещественно) и отождествлять себя с ним (по смыслу), а это смысловое, умное отождествление себя с вещью, которая, как вещь,

продолжает быть отличной, и есть понимание".

В своем исследовании мы остановимся на процессах связи языка с действительностью, с процессом восприятия слов, но будем иметь в виду, что, называя предметы реального мира, носители языка активно пользуются словообразовательными технологиями расширения языковой картины мира: чего стоят *симпатизанты* в речи современных журналистов.

Термин "*картина мира*" впервые был предложен Л. Витгенштейном в аспекте философии и логики [1]. Понятие *картина мира*, прочно войдя в разряд рабочих терминов многих наук, конкретизируется дополнительными определениями: научная, общенаучная, частнонаучная, естественнонаучная, историческая, физическая, биологическая, языковая, национальная и др. Человек пытается заменить реальный мир картиной, созданной в себе, т.е. в своем сознании. Особое место среди картин мира принадлежит *языковой картине мира*, покрывающей все сферы человеческого знания и оказывающейся в системе различных картин мира наиболее долговечной, устойчивой (разумеется, лишь на том или ином конкретном временном срезе), стандартной, ибо «воспроизводимы» именно стандартные единицы языка, ставшие узуальными. Видимо, именно поэтому изучение языковой картины мира оказалось в последние годы особенно значимым для всех сфер научного знания, и в первую очередь – для философии, для познания *сущего, бытия*, ибо еще Ж.-П. Сартр писал: "Так как я открыл для себя мир через язык, я долгое время принимал язык за мир" (Цит. по [2]).

Известно, что в традиции языкознания преобладал путь исследования от именуемой реалии (элемента, предмета действительности) – к ее номинации, словесному обозначению, к слову. Действительный окружающий человека мир «фиксируется» в словаре. На этом зиждятся идеи традиционной философской теории «отражения». Еще Вольтер в 1769 г. озаглавил свое женеvское издание философского словаря «Разум по алфавиту», а А.Франс в статье, опубликованной в 1892 в журнале «Литературная жизнь», называл словарь «книгой книг», сравнивая его с вселенной, представленной в алфавитном порядке, и подчеркивая, что словарь сам по себе включает в себя все остальные книги, и нужно только извлечь их из него. Добавим, что словарь включает в себя и все сущности, в той или иной мере познанные (или хотя бы замеченные) человеком.

В XX веке в связи с осознанием бесконечности всего сущего, а также осмыслением того, что уже в языке, в самой словесной номинации представлен некий аспект познания именуемой реалии (предмета, вещи, абстрактного понятия и т.п.), был предложен иной, в принципе противоположный, путь исследования сущего (*бытия, мира*): от слова – к вещи, обозначенной словом, или, иначе, путь познания сущего «через слово», с помощью осмысления его семантики. Сегодня не только философия, но и лингвистика стремятся извлечь из словаря данные о сущем, о реалиях. Иначе говоря, стоит задача через «вселенную» словаря языка познать вселенную как реальность.

Термин *языковая картина мира* (ЯКМ) был введен в научный оборот Л. Вайсгербером. К понятию ЯКМ обращались отечественные ученые: Ю.Д. Апресян, Ю.Н. Караулов, Г.В. Колшанский, Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова, В.И. Постовалова, Н.Ю. Шведова и др. Приведем некоторые определения ЯКМ:

ЯКМ – это "зафиксированная в языке и специфичная для данного языкового коллектива схема восприятия действительности", "определенный универсальный и в то же время рационально специфичный способ восприятия и организации (концептуализации) мира, в котором выражаемые значения складываются в единую систему взглядов (коллективную философию), которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка" (Ю.Д. Апресян).

ЯКМ – наиболее глубинный слой общенародной картины мира, в котором запечатлеваются результат видения мира человеком с помощью языка и который ориентирует человека на определенное отношение к миру и ориентации в нем (В.И. Постовалова).

ЯКМ – это "выработанное вековым опытом народа, осуществляемое средствами языковых комбинаций изображение всего существующего как целостного и многочастного мира. В своем строении и осмысляемых языком связях своих частей представляющего, во-первых, человека, его материальную и духовную жизнедеятельность и, во-вторых, все то, что его окружает: пространство, время, живую и неживую природу, область созданных человеком мифов и социум" (Н.Ю. Шведова) (Цит. по [4]).

Таким образом, можно говорить о так называемом «многомирии» [4], о множественности ЯКМ: о научной

ЯКМ (НЯК), о ЯКМ национального языка (ЯКМНЯ), о ЯКМ отдельного человека. Картина мира формирует тип отношения человека к миру: природе, людям, к самому себе, к труду, к нравственным устоям, национальным традициям, определяет его место в культурном пространстве и формирует отношение к нему.

Проанализировав приведенные выше определения, можно выделить следующие инвариантные составляющие ЯКМ: а) модель, схема восприятия действительности = совокупность знаний; б) выработанная вековым опытом народа как результат познания; в) отраженная в языке; г) ориентирующая человека на определенное отношение к миру; д) изменчивая во времени; е) национально специфичная; ж) наивная, в отличие от научной картины мира.

Таким образом, можно сказать, что наше миропонимание в какой-то степени находится в плену у ЯКМ. Не случайно Л. Витгенштейн утверждал, что "границы моего языка означают границы моего сознания" [4]. А М.Цветаева в письме В. Черновой, написанном в 1925 году, заметила, что "... иные вещи на ином языке не мыслятся". Национальный характер, национальная ментальность получают отражение в языке. По мнению В.Ф. Чесноковой, национальный характер – это "общество внутри нас", существующее в виде однотипных для представителей одной и той же культуры реакций на типичные ситуации, которые вызывают в сознании носителя языка всю гамму чувств, являющихся импульсом к привычным и одобряемым национальными традициями речевым и иным действиям. Этнос в целом, как и

характеризующая его национальная культура, есть совокупность общего и специфического.

Каждый человек имеет свою индивидуальную картину мира. Загадочную русскую душу пытались разгадать зарубежные исследователи и продолжают разгадывать. "Русская душа – это нестабильное равновесие между желаемым и действительным, где спонтанно возникающее чувство совести каждый раз по-разному оценивает происходящее вокруг, заставляя носителя этой души постоянно мучиться и страдать от всего им уже сделанного и даже не сделанного. Понять это определение правильно можно, будучи хоть немного русским, в этом и есть тайна: то, что они, русские, сами не понимают, мы стараемся понять за них, и, конечно, ... ничего не понимаем", – писал А. Виноградов [5]. Русский философ Н.А. Бердяев утверждал, что "русская национальная мысль чувствует потребность и долг разгадать загадку России, понять идею России, определить ее задачу и место в мире"[9].

По выражению А. Вежбицкой, каждый язык образует свою семантическую вселенную: "Не только мысли могут быть подуманы на одном языке, но и чувства могут быть испытаны в рамках одного языкового сознания, но не другого" [4]. Так, двум русским словам *смех* и *хохот* соответствует в английском языке одно слово – *laughter* (здесь и далее – пример и комментарии А.Вежбицкой). При этом русское слово *хохот* имеет особую сочетаемость, проявляющую специфику его значения, – *умирать (помирать) от хохота, чуть не умереть от хохота*. Сочетаемость

свидетельствует о громкости, неудержимости хохота. К тому же слово *хохот* означает длительное действие. По наблюдениям А. Вежбицкой, об этом свидетельствуют сочетания *кататься от хохота, с ног валиться от хохота, на глазах слезы выступили от хохота* и др. А отмеченное автором своеобразие сочетаемости этого слова с прилагательными (*хохот – веселый, громкий, здоровый, дружный, раскатистый*) приводит исследователя к мысли о том, что “ в русской культуре громкий и несдержанный хохот не рассматривается... с каким-либо неодобрением”, а “напротив того, он считается “здоровым” [8]. Однако, по нашим данным, в дореволюционной России в интеллигентной, в частности дворянской, среде чрезмерно громкий, “несдержанный” хохот, как и чрезмерно громкая речь на улице и в других общественных местах, считался признаком недостаточной воспитанности, дурного тона.

В то же время замеченная А. Вежбицкой положительная окраска однокоренных слов *хохотун* и *хохотунья* (добавим, что эти слова, как и не упомянутый автором синоним последнего слова – “*хохотушка*, имеют разговорную стилистическую окраску), вероятно, действительно связана с тем, что “хохот должен выражать неподдельно “хорошие чувства”: не случайно сочетания типа *горький хохот, саркастический хохот* не типичны для русского языка [9]. Добавим также, что в положительной окраске слов *хохотун, хохотунья* и *хохотушка* видится и выражение непритворности, открытости, искренности и даже широты русского характера...

Смысловый универсум русского языка образуют следующие признаки:

1. *Эмоциональность и широта русской души*, о чем свидетельствует высокий эмоциональный накал русской речи, богатство языковых средств для выражения эмоций. Ни в одном языке нет такого разнообразия суффиксов субъективной оценки: *душенька, доченька, голубчик; миленький, родненький; ручищи, домище, холодище* и др. Широта души может интерпретироваться как максимализм. Вспомним стихотворение А.К. Толстого, которое в первоначальном варианте имело значимое заглавие – “Русская душа” (об этом свидетельствует сохранившийся среди писем автора к В.Д. Давыдову список данного стихотворения, представленный с упомянутым заглавием): “Коль любить, так без рассудку, Коль грозить, так не на шутку, Коль ругнуть, так сгоряча...”

2. *“Иррациональность”*, подчеркивающая ограниченность прагматического мышления: *Русский Бог авось – небось – да как-нибудь; Авось пронесет, Бог не выдаст – свинья не съест*.

3. *Смирение, покорность*, связанные с неагентивностью, фатализмом, синдромом судьбы: *надеяться/полагаться на авось* (т.е. наугад, на удачу, ничего не обдумывая заранее); *на всякий случай; угораздило* и др.

4. *Приверженность морализированию* как стремление абсолютизации добра и зла: *Худо жить без ласкового слова; Добро не лихо, ходит по миру тихо; Бедного обижать – себе добра не желать* и др.

5. *Полярность оценок*, неумение и нежелание идти на компромисс: *Или пан, или пропал; Все или ничего* и др.

Непредсказуемость русской души, кажущаяся иностранцам непостижимой, объясняется также ее расположенностью на стыке двух великих цивилизаций – Востока и Запада. Россия является и мостом, и барьером, поэтому ученые называют Россию то азиатской, то европейской страной. По этому поводу Н.А. Бердяев писал: " ... пейзаж русской души соответствует пейзажу русской земли, та же безграничность, бесформенность, устремленность в бесконечность, широта... В душе русского народа остался сильный природный элемент, связанный с необъятностью русской земли, с безграничностью русской равнины" [10].

Русский народ сформировался на базе славянских и неславянских племен, соединив в себе, казалось бы, несоединимое, цементируя это на славянской основе. Приняв христианство, славяне приспособили его к язычеству, что сохранилось до сих пор. Но языковая общность не является синонимом слова народ. Народ может и не быть объединен одним языком (Швейцария). Даже если предположить, что конкретный язык – это действительно национальный язык, нет никаких оснований утверждать, что носители этого языка считают себя единым сообществом. Достаточно вспомнить такие обозначения, как *пангерманизм*, *панславянизм*, *евроцентризм*, *глобализм* и проч. Все эти понятия мыслимы только вне национальных рамок. Между тем, находясь за пределами родного культурного пространства, человек, отвечая на вопрос, кто он такой, без тени сомнений отвечает: я немец (не баварец, германец, европеец, протестант); я русский (не башкир,

бурят, чуваш, белорус и проч.); я китаец и т.д.

Как только речь заходит о нации, становится не важно, является ли человек чисто географически жителем Баварии или Рейнской области, не значимы также и его социальный статус и религиозная или партийная принадлежность. Так, различия между диалектами *ву*, *кантонез*, *хокиен*, относящимися к китайскому языку, столь существенны, что европейцы немедленно начинают расспрашивать китайцев, кто они по национальности. А расхождения между македонским, сербским, словенским, хорватским или чешским и словацким, напротив, так ничтожны, что заставляют неискушенного в лингвистических тонкостях человека предположить, что это один язык. Способность к взаимопониманию вырабатывается в процессе социализации. Принцип взаимопонимания, скорее всего, результат внушения, имеющего главной целью создать в сознании носителей языка идею национальной принадлежности. Не секрет, что границы между наборами языковых средств и тем, что именуется языками, в Центральной Европе подчас оказываются размыты, поскольку у нидерландского, нижненемецкого и среднефранкского налажен исключительно интенсивный межъязыковой обмен. То же самое относится и к славянским языкам. Ю.В. Бромлей [2], определяя этнос как "квант" специфической культурной информации, в то же время подчеркивает неправомочность сведения культурного единства этнических образований к совокупности некоторых особенностей. На это же, в сущности, указывает А. Моль: "Рисовать тип культуры как

набор характерных черт свойственно только карикатуре или жанровому очерку"[8]. О чем это говорит? Прежде всего о том, что среди факторов, способствующих возникновению и закреплению национально-культурной специфики народа, ученые выделяют природно-географические, социально-исторические, трудовые, культурно обусловленные факторы, определяющие формирование ЯКМ.

Сегодня все больше говорят о динамическом понятии культуры, в котором, в отличие от классического, большое значение придается субъективным интерпретациям, но по-прежнему главным действующим лицом ЯКМ является "его величество русский язык" (С.Г. Тер-Минасова). Данный подход представляет картину мира в качестве "невидимого рюкзака": человек в современном обществе носит с собой культурные знания своей языковой и национальной группы как "культурный багаж" и обращается с ним по своему усмотрению в зависимости от конкретной ситуации, т.е. постоянно переосмысливает свой культурный багаж. Следует отметить, что в глобализирующемся мире отдельный человек одновременно может соприкоснуться не с двумя, а с несколькими национальными культурами. Важно, чтобы личность владела этими моделями ЯКМ. Как известно, при общении носителей различных культур, которых сейчас принято называть межкультурными личностями (Клод Ажежа, например, ввел понятие *диалоговый человек*) или языковыми личностями (Ю.Н. Караулов), может возникнуть так называемый межкультурный шок, потому что в процессе взаимодействия каждый человек вносит в ситуацию общения

свой коммуникативный (культурный) стиль. Под коммуникативным стилем понимается коммуникативные системы, включающие вербальные, невербальные, паравербальные и экстравербальные компоненты, обусловленные данной конкретной культурой. Раздельно рассматривать язык и культуру нельзя, потому что язык – органическая часть культуры, складывающиеся в ЯКМ. "Факты языка – это те же факты культуры (perfekt – такой же факт немецкой культуры, как и Кельнский собор; совершенный вид глагола – такой же факт русской культуры, как матрешка)", – считает Е.И. Пассов [14]. В диалоге с незнакомым, в контакте с "чужим" выделяется именно индивидуально-национальное, стереотипное представление о конкретном народе, о данной стране и ее культуре. В процессе межкультурного диалога, выходя за рамки родной культуры, присваивая другую культуру, копируя ее, носитель конкретного национального языка со сложившейся национальной картиной мира не отказывается от своей ЯКМ. Как отмечает В.С. Библер, "старое знание включается в знание новое" (Цит. по [14]: расшатывание монокультурного сознания индивида, когда представитель одной культуры при контакте с представителем другой культуры пытается понять его систему восприятия мира, логику мышления, ценностей, действий, приводит к попыткам включить эту иную культурную модель, встроить ее в культурное поле своей родной культуры).

С.Г. Тер-Минасова утверждает, что "между предметом и словом, обозначающим этот предмет, стоит понятие, обусловленное культурой и

видением мира данным речевым коллективом". Любое слово в нашем сознании, точно так же, как и в речевой практике, по отдельности не существует. Так, ассоциативный потенциал слова *земля* в повести В. Распутина "Прощание с Матерой" определяется значением *родная*. Родная, т.е. та, где *"каждый камень еще до твоего рождения предчувствовал и ждал тебя, и тут каждая травка по весне несет тебе что-то в остережение или поддержку от былых времен, и во всем за тобой родовой догляд"*.

Лексика является способом отражения этнокультурной картины мира, поскольку слово – это продукт и инструмент культуры, который оказывает решающее влияние на формирование мировосприятия человека. "Нет сомнения, что слова, словосочетания, фразеологические единицы всех видов, т.е. все то, из чего складывается лексический состав языка, играют основную роль в реализации функции языка как орудия культуры и средства формирования личности", – считает С.Г. Тер-Минасова [9].

Устное народное творчество традиционно является наиболее авторитетным источником для реконструкции национальной ЯКМ в ее обыденно-наивном аспекте существования. Паремии несут в себе моральные ценности и представляют внутренние истоки культуры общества, почерпнутые из исторического опыта, воссоздавая национально-социальную психологию народа. Оценивая паремии русского языка, А.М.Горький писал, что «в простоте слова самая мудрость, пословицы и песни всегда кратки, а ума, чувства вложены в них на целые

книги». Пословица как одна из самых употребительных в речи разновидностей паремий особенно интересна для исследования национальных ментальных и культурных стереотипов сразу в нескольких ракурсах: 1) с точки зрения особенностей семантической структуры пословиц, способствующей аккумуляции, хранению и трансляции культурно значимой информации, а также 2) для рассмотрения основных прагматических установок, действующих практически независимо от конкретных социально-исторических условий и не теряющих своей актуальности на протяжении сотни лет.

Этнические стереотипы представляют собой упрощенный, схематизированный, эмоционально окрашенный и достаточно устойчивый образ какой-либо этнической общности, мнение обобщенного характера о той или иной этнической группе, распространяемое на всех ее представителей. При этом принято различать *автостереотипы*, т.е. образы, которые этническая группа имеет о самой себе, и *гетеростереотипы*, т.е. образы, которые группа имеет о другой (чужой) группе. Несмотря на зачастую настороженное отношение к чужестранцам, уже древнерусское общество отличалось открытостью межэтническим контактам и обширностью международных связей. Закрытость общества иностранным влияниям, отрицательное отношение к иностранцам в эпоху Московского царства в дальнейшем сменяется открытостью ко всему иностранному, которые после Петра I становятся главной чертой русской культуры. Как известно, древнерусская народность складывалась в смешении, по меньшей мере, трех этнических компонентов – славянского, балтского и

финно-угорского, с заметным участием также германского, тюркского и северокавказского. Это предопределило открытость русских пришельцам, состав которых исторически менялся, и чужим культурам. Под влиянием контактов с иностранцами обогатилась и русская материальная и духовная культура. Например, без татар не было бы системы русской государственности, «русских шапок», крепких ругательств, сапог, ямщиков, кнута, «русской тройки».

Следует отметить, что на протяжении всей истории России иностранцы успешно интегрировались в российское дворянство. В допетровское время четверть знати имела татарские корни. Так, третий русский царь Борис Годунов отсчитывал свою родословную от татарского мурзы Чета, крещенного в 1310-х гг. с именем Захарии (Чет-Захария относился к царскому роду Чингизидов). Из татар происходили русские дворяне Ермоловы, Давыдовы, Черкасские, Дашковы, Апраксины, Державины, Арсентьевы, Карамзины и др. Из немцев – Хвостовы, Беклемишевы, Орловы, Левшины, Марковы, Востоковы, Толстые, Пушкины, Протопоповы и др.

Особенно много немцев жило на Руси в XVIII веке. Однако немцами в то время могли называть и поляков, и голландцев, и французов. Согласно ряду авторов можно предположить, что образ «немца» воспринимался русским политическим и обыденным сознанием не как экзотоним, а скорее, в значении «*немой*» (иной) и «*не мой*» (чужой) и тем самым служил для создания внешних ориентиров русской национальной идентичности. По М. Фасмеру, древнерусское «*ньмыць*» –

«человек, говорящий неясно, непонятно»: «иностранец», ньмычинь, «немец, любой иностранец». Представления о немцах, принявшие характер этностереотипов, складывались в России постепенно, причем некоторые из них оказались достаточно устойчивыми. Пиво, трубка, табак как обязательные внешние признаки не только немецкого быта, но и самих немцев, воспринимались почти как их органические свойства. Представление о таких чертах немцев, как хитрость (*Немец хитер: обезьяну выдумал; Хитра лиса, хитрее лисы – немец*), способность приспосабливаться к ситуации (*Немец, что верба: куда ни ткни, тут и принялся*), склонность руководить (*Родом из немчин, а указывать горазд*), а также расчетливость, переходящая в скупость, аккуратность, перерастающая в педантизм (*Настоящий немец*), всегда традиционно противопоставлялось исконным качествам русских. Не вызывали симпатии у последних и предусмотрительность, и практицизм немцев, а также их чрезмерные знания (*У немца на все струмент есть; Немецкая [т.е. точная, школярная] ученость*).

Вместе с тем в представлениях о немцах XVIII-XIX вв. сквозит добродушный юмор, спокойное признание факта существования рядом человека иного склада, чем русский (*Немец без итуки с лавки не свалится*), и наивное убеждение, что русский народ якобы обладает чем-то, что выше и учености, и хитрости, и ловкости немца.

Христианская мораль оказала мощное воздействие на формирование аксиологического плана национальной картины мира, привнеся в нее

особенное представление о человеке, сотворенном "по образу и подобию" Бога-слова: *Слово слову рознь: словом Господь мир создал, словом Иуда предал Господа*. Именно христианство задало вектор новому отношению к Другому.

"Иконой Православия" называл церковно-славянский язык Ю.А. Успенский. Язык выкристаллизовал представления человека о мире и о его месте в нем. Ключевыми словами русского самосознания, которые и легли в основу "орфографии", "грамматики" и "логики" культуры как семиотической системы, впитавшей в себя своеобразие нравственного кодекса народа, стали *со-борность, совесть, правда, воля* и др. Так, концепт *со-борности*, понимаемый как *со-причастность, со-чувствие, со-переживание, со-вместность* любых действий или усилий, нашел свое отражение в таких пословицах, как *Дружного стада и волк не берет; Народ, не знающий единства, с нуждой дружит, народ, сильный единством, со счастьем дружит; Люби ближнего как себя; Любящих и Бог любит; Не имей сто рублей, а имей сто друзей; Чти отца твоего и мать твою; Друга не узнаешь в счастье, враг не скроется в несчастье; Близкий сосед лучше дальней родни; Был у друга, пил воду – показала слаще меду* и др. Заметим, что идея *со-борности* – одна из ключевых идей русской классической философии. Отечественные философы отмечали, что в России соединяются два мира, две цивилизации. Задолго до появления термина *менталитет* в зарубежной философии отечественные мыслители сосредоточили свои усилия на анализе «души общественного целого», *со-борности*, воспринимая ее

как единый комплекс специфических нравственно-психологических черт русских: а) А. Хомяков (1804-1860 гг.) понимал *соборность* в качестве особой ценности русской культуры в противовес католицизму и протестантизму, проповедовавших, с одной стороны, покорность, послушание, а с другой – индивидуализм; б) К. Аксаков (1817-1860 гг.) ратовал за органическое включение личности в русскую общину, в которой личность свободна, подобно хористу в хоре; в) Ю. Самарин (1819-1876 гг.) понимал под идеей *соборности* отказ личности от ее "самости", сознательное подчинение вере, Богу; г) С. Трубецкой (1862-1905 гг.) подчеркивал "природную *соборность* сознания" русских: "Мы, люди... держим внутри себя собор со всеми".

Соборность как "сгусток русского духа" очень важна для понимания специфики отечественной культуры. Это подтверждается многогранностью ее истолкования: это и специфика российской духовности («тайна русской души»); и внутренний мир человека («вложить всю душу»); и сам человек как главная персона («душа общества»); и свойства ее характера («добрая душа»); и просто человек («в доме ни души»); и его бессмертное начало («подумать о душе»); и мера открытости индивида («со всей душой»); и социально-духовная смерть человека («мертвые души») и т.д.

Получив мощную "прививку" православия, национальная культура, несмотря на годы безверия и гонений, сохранила исконное духовное начало. Так, анализируя в статье "Русский человек" основания русского национального самосознания, Г.П. Федотов писал: "Русский славянин и в XIX веке еще не оторвался вполне от матери-

земли... Природа для него не пейзаж, не обстановка быта и уж, конечно, не объект завоевания. Он погружен в нее как в материнское лоно, ощущает ее всем своим существом, без нее засыхает, не может жить... Моральный закон личности, ее право на свою совесть, на свое самоопределение просто не существует перед законом жизни. В нравственной сфере это создает этику мира, коллектива, круговой поруки" (Цит. по [17]).

Доминантной чертой русской ментальности, по мнению авторитетных ученых, был и остается приоритет морали над правом. Так, в "Толковом словаре живого великорусского языка" В.И. Даля статья, посвященная описанию слова *совесть* является наиболее обстоятельной: *совесть* – 1) нравственное сознание, нравственное чутье или чувство в

человеке; 2) внутреннее сознание добра и зла; 3) тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка; 4) способность распознавать качество поступка; 5) чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее ото лжи и зла; 6) невольная любовь к добру и к истине; 7) прирожденная правда, в различной степени развития и т.д.: *От человека утаишь, от совести (от Бога) не утаишь. Совесть мучит, снедает, томить или убивает; Совесть спать не дает. К кафтану (к коже) совести не пришьешь*

Переживание собственного несовершенства и стремление соответствовать нравственным нормам, нашло отражение в многочисленных пословицах, подтверждающих большую роль данного концепта в русской ЯКМ:

Совесть как внутренний "цензор"	<i>Глаза – мера, душа – вера, совесть – порука; В ком стыд, в том и совесть; В ком совесть не чиста, тому и тень кочерги виселица; От человека утаишь, от совести не утаишь; Что того и совестить, у кого нет совести и др.</i>
Отношение к закону и праву	<i>Жизнь дана на добрые дела; Закон – паутина: шмель проскочит, муха увязнет; То-то и закон, как судья знаком; Была бы спина, найдется и вина; добрые дела; Закон – паутина: шмель проскочит, муха увязнет; То-то и закон, как судья знаком; Была бы спина, найдется и вина и др.</i>

К ключевым понятиям русской ЯКМ относится также концепт *правда* как нравственный идеал, как истина в образе, справедливость, правосудие (по

В.И. Далю). В народном сознании *правда* ассоциировалась с любовью-жалостью к ближнему:

Правда как основа ментальности	<i>Где честь, там и правда; Правда из огня, из воды спасает; Правда глаза колет; Стой за правду горой; За правду не судись – скинь шапку да поклонись; Не ищи правды в других, коли ее в тебе нет и др.</i>
Отношение к правде	<i>Правда, что шило в мешке; Правда всегда наружу выйдет; От правды отстать, куда пристать? Правда хорошо, а счастье лучше; Правдой жить – палат каменных не нажить; Бог правду видит; По правде тужим, а кривдой живем и др.</i>

Согласно теории американского лингвиста и антрополога Э. Сепира и его ученика Б. Уорфа, которая получила название "гипотезы лингвистической относительности", само восприятие человеком мира, в котором он живет и действует, также детерминировано языком и культурой. Суть концепции состоит в том, что люди, говорящие на разных языках, живут в отличающихся друг от друга мирах, поскольку в сознании человека реальный мир существует так, как это находит свое отражение в языке. Отечественный ученый, филолог, семиотик Ю.С. Степанов дает метафорическое определение понятию *концепт*, утверждая, что концепт – это "как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И с другой стороны, концепт – это то, с помощью чего человек – рядовой, обычный человек, не "творец" культурных ценностей – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее" [12].

Мифологичность, "сказочность" русской ЯКМ, которую отмечают многие ученые, включает в себя также

такие концепты, как *терпение, коллективизм, смелость, решительность, самостоятельность*, потому что именно они демонстрируют укорененность в русском языковом сознании представлений о своем "Я" в неразрывной связи с общиной, что тоже зафиксировано в корпусе пословиц: *Мир не без добрых людей; На весь мир не угодишь; На миру и смерть красна; Сто голов – сто умов; Свои люди – сочтемся; В тесноте, да не в обиде; Смелость города берет; Волков бояться – в лес не ходить; На Бога надейся, а сам не плошай и др.*

Коренные, архетипичные черты русской ментальности, в которых отражены особенности национального самосознания и социокультурной практики, обусловили самобытность русской ЯКМ, ориентированной на эмоциональную открытость, истинность и содержательную значимость. Вот, к примеру, как описывает концепт *любовь* известный русский философ В.В. Розанов: «Мы рождаемся для любви. И насколько мы не исполнили любви, мы томимся на свете. И насколько мы не исполнили любви, мы будем наказаны на том свете. Любить –

значит «не могу без тебя быть», «мне тяжело без тебя», «везде скучно, где не ты». Это внешнее описание, но самое точное. Любовь вовсе не огонь (часто определяется), любовь – воздух. Без нее – нет дыхания, а при ней «дышится легко». Вот и все» [16].

Именно в России родились оригинальные идеи и особое миропонимание, которых нет ни в восточной, ни в западной культурах, что позволило Ф.И. Тютчеву всего в четырех строчках своих философских стихов задать иностранцам задачу понять Россию умом, которую они до сих пор не могут решить.

Значительное влияние на формирование русского культурного архетипа, как отмечал еще В.О. Ключевский, оказала природа России. Территория севера Евразии – это самая неблагоприятная в климатическом отношении часть Земли. Российскую природу отличают суровость, монотонный ландшафт Восточно-Европейской равнины, огромная территория, слабая заселенность, колебания и неустойчивость климата, трудность «окультуривания», в отличие от Западной Европы. Эти условия формируют такие качества человека, как способность к чрезмерному, но кратковременному напряжению сил, но при этом не воспитывается привычка к ровному, умеренному, постоянному труду; склонность к солидарным коллективным усилиям, отсюда установка «навалиться всем миром»; отсутствие сформировавшегося чувства суверенного хозяина своей земли, заботы о ней вследствие наличия общины, помещичьего землевладения; слабое развитие трудовой этики; не вполне сформировавшиеся черты, связанные с

развитыми институтами частной собственности. Опыт суровой жизни вырабатывал у россиян уважение к природным стихиям, удивление и восхищение красотой и гармонией природы. Но он же формировал и пассивно-созерцательное, фаталистическое отношение к миру, сочетавшееся в то же время под влиянием тяжелой борьбы за существование, со стихийно-реалистическим отношением к жизни. Невозможность предварительных расчетов и прямого движения к цели отразились на складе ума, манере мышления великоросса. В его мышлении доминирует интуитивизм, а не рационализм, у него больше восточной (византийской) иррациональности, чем западной рациональности, и поэтому эмоции у него преобладают над разумом, страсти – над интересами. Он чаще идет за «голосом сердца», чем за рассудком, и у него превалирует наглядно-образное и наглядно-действенное мышление, тогда как на Западе – вербально-логическое. В.О. Ключевский указывал и на такие черты россиян: осторожность, колебания, неуверенность в себе, необщительность, «крепость задним умом», им легче преодолеть трудности, неудачу, чем освоиться с мыслью о своем величии [17].

Результаты исследования и их обсуждение. Русский культурный архетип испытал влияние социоцентризма, так как особую роль в развитии общества в России играло государство. Как следствие восточного влияния отношения в обществе приобрели министерально-подданический характер. Поэтому поведение человека в общественной и личной жизни стало оцениваться в соответствии с его чином, т.е. местом в

социальной иерархии. Сложилась холопская психология и нравственность: безответственно пренебрежительная по отношению к своим подданным и рабски уничижительная – к своему господину; при этом затрудняется осознание себя личностью и доминирует стремление «быть как все», существует развитое чувство конформизма и, соответственно, способность приспособливаться к невыносимым условиям. На Руси стремление стать личностью порождало в человеке внутренний конфликт между предопределенностью и свободой, формой решения которого были «уход в пустынь» или «юрродство в миру». Архетип «быть как все» трансформировался в «быть не хуже других», отсюда зависть, неприязнь к тем, кто «выше» и сострадание к тем, кто «ниже». На Западе формировалась ориентация личности на лучшие достижения, что требует мобилизации собственного индивидуального потенциала. В результате возникает идеал личности, человека-гражданина с гражданскими правами и свободами, прежде всего, правом собственности и правом выбора. Запад особое внимание уделял индивидуальности, когда вся система ценностей строилась вокруг индивидуума. На Востоке в центре внимания стоит коллективное существование, связанное с природой и общественным образом жизни. В России имело место столкновение этих типов культуры, борьба противоположных начал. На Западе в основе социального регулирования лежит право – высшая социальная ценность, всеобщий социокультурный регулятор, в России – иерархия, власть, нормы которой устанавливаются «самодержавно», без ограничения извне. В

России понятия родины, государства, патриотизма всегда имели огромное значение. Они играли роль мощного национально-объединяющего фактора и обладали огромной организующей силой. Государство и царь стояли выше закона. Неверие в закон вело к правовому нигилизму и произволу, сопровождающемуся азиатской покорностью русского человека. Для русского архетипа свойственна ориентация на авторитет. Но авторитаризм возможен лишь тогда, когда существует общее дело, выраженное в определенной национальной идее, которая выше авторитета, и сам авторитет служит ей. Безусловно, это ведет к двояким последствиям: с одной стороны, вера в авторитет, наделяемый чертами харизматического лидера, а с другой стороны, контроль авторитета через постоянное соотнесение его деятельности с общей идеей, которая сообща переживается людьми. И сегодня мы еще продолжаем искать ответы на вопросы, поставленные в свое время А. Солженицыным в работе «Русский вопрос на рубеже веков»: "Быть ли нам русскими? Если и выживем телесно, то сохраним ли нашу русскость, всю совокупность нашей веры, души, характера, – наш континент во всемирной культурной структуре? Сохранимся ли мы в духе, в языке, в сознании своей исторической традиции"?

Заключение. Исследователи не едины в определении продуктивных способов номинации мира. Однако большинство авторитетных авторов подчеркивают приоритет национально маркированных языковых элементов на всех уровнях языка, которые детерминированы прагматическим

фактором в становлении языковой картины мира. При этом своеобразии принципов номинации в языке можно рассматривать как комплекс социокультурных, национально-психологических особенностей, составляющих специфику индивидуального и коллективного языкового сознания.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликтов интересов для декларации.

Information of conflict of interests: authors have no conflicts of interests to declare.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. “Душа России” Судьба России, [Электронный ресурс], Режим доступа: krotov.info.
2. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография: Учебник. Москва: «Высшая школа», 1980.
3. Витгенштейн Л. Избранные работы. Москва: Издательский дом «Территория будущего», 2005, 180.
4. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. Москва: «Прогресс», 1999, 527-529.
5. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. Москва: «Прогресс», 1984, 80.
6. Косых Е.А. Русская ономазиология. Барнаул: ФГБОУ ВО “АлтГПУ”, 2016.
7. Новикова Н.С., Черемисина Н.В. Многомирие в реалии и общая типология языковых картин мира. / Филологические науки, №1, Москва, 40-49.
8. Моль А. Социодинамика культуры. Москва: «Прогресс», 1973.
9. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: Монография. Москва: «Слово», 2000, с. 139.
10. Розанов В.В. Опавшие листья. Короб первый. Москва, «Языки славянских культур», 1990, с. 158.

11. Сабитова З.К. Лингвокультурология: Учебник. Москва: «Флинта-Наука», 2013, с. 52.

12. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. Москва: «Прогресс», 2002.

13. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Москва: «Слово», 1997, с. 40.

14. Пассов Е.И. Технология диалога культур в иноязычном образовании: Монография. Липецк, 2005.

15. Черкашина Т.Т. Языковые маркеры в практике коммуникативного лидерства как элемент эффективного управления// Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2015. №2, с. 112-127.

16. Черкашина Т.Т. Менеджер как субъект языка и культуры: Монография. Москва: Издательский дом «Додэка-XXI», 2008, с. 63.

17. Черкашина Т.Т. Язык деловых межкультурных коммуникаций. Москва: ИНФРА-М, 2017. 368 с.

References

1. Berdyayev N. A. “Russian Soul”, *Sud'ba Rossii* [The Fate of Russia], [Online], Available at krotov.info. [in Russian].
2. Bromley YU. V. (1980), *Etnos i etnografiya: Uchebnik* [Ethnos and Ethnography: Textbook], Vysshaya shkola, Moscow, Russia. [in Russian].
3. Vitgenshteyn L. (2005), *Izbrannyye raboty* [Selected Works], Izdatel'skiy dom «Territoriya budushchego», Moscow, Russia. [in Russian].
4. Vezhbitskaya A. (1999), *Semanticheskiye universalii i opisaniye yazykov* [Semantic Universals and Description of Languages], Progress, Moscow, Russia, 527-529. [in Russian].
5. Gumbol'dt V. (1984), *Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected Works on Linguistics], Progress, Moscow, Russia. [in Russian].
6. Kosykh Ye. A. (2016), *Russkaya onomasiologiya* [Russian onomasiology],

ФГБОУ ВО "AltGPU", Barnaul, Russia. [in Russian].

7. Novikova N. S. and Cheremisina N.V. *The multi-world in realities and the general typology of language pictures of the world*, Filologicheskiye nauki, №1, Moscow, Russia, 40-49. [in Russian].

8. Mol A. (1973), *Sotsiodinamika kultury* [Sociodynamics of Culture], Progress, Moscow, Russia. [in Russian].

9. Ter-Minasova S. G. (2000), *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya: Monografiya* [Language and intercultural communication: Monograph], Slovo, Moscow, Russia. [in Russian].

10. Rozanov V. V. (1990), *Opavshiy list'ya. Korob pervyy*. [Fallen leaves. The first box], Yazyki slavyanskikh kultur, Moscow, Russia. [in Russian].

11. Sabitova Z. K. (2013), *Lingvokulturologiya: Uchebnik* [Lingvokulturologiya: Textbook], Flinta-Nauka, Moscow, Russia. [in Russian].

12. Sepir E. (2002), *Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu i kulturologii* [Selected Works on Linguistics and Culturology], Progress, Moscow, Russia. [in Russian].

13. Stepanov YU. S. (1997), *Konstanty. Slovar russkoy kultury* [Constants. Dictionary of Russian Culture], Slovo, Moscow, Russia. [in Russian].

14. Passov E. I. (2005), *Tekhnologiya dialoga kultur v inoyazychnom obrazovanii: Monografiya* [Technology of Dialogue of Cultures in Foreign Language Education: Monograph], Lipetsk, Russia. [in Russian].

15. Cherkashina T. T. (2015), *Language Markers in the Practice of Communicative Leadership as an Element of Effective Management*, Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravleniye (gosudarstvo i obshchestvo), №2, 112-127. [in Russian].

16. Cherkashina T. T. (2008), *Menedzher kak subyekt yazyka i kultury: Monografiya* [Manager as a Subject of Language and Culture: Monograph], Izdatelskiy dom «Dodeka-XXI», Moscow, Russia. [in Russian].

17. Cherkashina T. T. (2017), *Yazyk delovykh mezhkul'turnykh kommunikatsiy* [Language of Business Intercultural Communications], INFRA-M, Moscow, Russia. [in Russian].

Черкашина Татьяна Тихоновна, заведующая кафедрой русского языка, доктор педагогических наук, профессор ФГБОУ "Российский государственный университет им. А.Н.Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)".

Tatyana T. Cherkashina, Head of Department of the Russian Language, Doctor of Pedagogy, Professor, Russian State University named after A. Kosygin (Technology, Design, Art).

Суздальцева Лидия Святославовна, старший преподаватель кафедры русского языка ФГБОУ "Российский государственный университет им. А.Н.Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)".

Lydia S. Suzdaltseva, Senior Lecturer, Department of the Russian Language, Russian State University named after A. Kosygin (Technology, Design, Art).

Пермякова Наталья Святославовна, старший преподаватель кафедры русского языка ФГБОУ "Российский государственный университет им. А.Н.Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)".

Natalia S. Permyakova, Senior Lecturer, Department of the Russian Language, Russian State University named after A. Kosygin (Technology, Design, Art).

РАЗДЕЛ II. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'2

DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-1-40-48

Лутфуллина Г. Ф.

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАТЕГОРИИ ПЕРЕСКАЗЫВАЕМОСТИ КАК КОМПОНЕНТА ПОЛЯ КОСВЕННОЙ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ

Казанский государственный энергетический университет
Ул. Красносельская, дом 51, Казань, 420066, Россия
E-mail: gflutfullina@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению прагматического потенциала категории пересказываемости как ядерного компонента поля косвенной эвиденциальности. Категория пересказываемости предполагает указание источника получения информации. В речевых ситуациях возникает необходимость ссылки на чужое мнение. Цель статьи определить, в каких речевых актах возникает необходимость использования ссылок на чужое мнение, указания на источник информации и какую прагматическую функцию выполняет категория пересказываемости. В статье выделяются две стратегии – стратегия консолидации с чужим мнением, признание информации от третьих лиц достоверной, и стратегия дискредитации чужого мнения, опровержение информации от третьих лиц. При реализации стратегии консолидации, при ссылке на информацию от третьих лиц может происходить «повышение» своего авторитета, если лицо, приводящее информацию, ниже статусом, чем источник информации. Например, ссылка на бытующее мнение служит для поддержания своего мнения. При ссылке на информацию от третьих лиц может происходить и «повышение» авторитета источника информации, если лицо, приводящее информацию, выше статусом. При реализации стратегии дискредитации чужого мнения, ссылка на бытующее мнение может выступать объектом опровержения, противоречащим результатам собственного опыта. В данном случае отрицается содержание информации, ставится под сомнение авторитет источника. Информация от третьих лиц может также выступать объектом опровержения, противоречащим результатам собственного опыта. Отрицается содержание информации, ставится под сомнение компетентность информаторов или коммуникативные задачи информатора – не информировать, а запугать.

Ключевые слова: косвенная эвиденциальность; категория пересказываемости; речевой акт; речевая стратегия; прагматический потенциал.

Gulnara F. Lutfullina

**PRAGMATIC POTENTIAL OF REPORTATIVE CATEGORY
AS THE COMPONENT OF INDIRECT EVIDENTIALITY**

Kazan State Power Engineering University
Krasnoselskaya street, Building 51, Kazan, 420066, Russia
E-mail: gflutfullina@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of the pragmatic potential of reportative category as a nuclear component of indirect evidentiality. The reportative category implies the indication of the source of information. In speech situations, there is a need to refer to someone's opinion. The purpose of the article is to determine in which speech acts the need to refer to someone's opinion arises and what pragmatic function is performed by reportative category as a means to indicate the source of information. Two strategies are outlined in the article: a strategy of consolidation with someone's opinion, recognition of information from third parties as reliable, and a strategy for discrediting someone's opinion, refuting information from third parties. When implementing the consolidation strategy, when referring to information from third parties, an "increase" of speaker's authority may occur if the information provider has a lower status than the source of information. For example, a reference to the prevailing opinion serves to maintain one's opinion. When referring to information from third parties, an "increase" in the source of information authority may occur, if the person has a higher status. When implementing a strategy to discredit someone's opinion, a reference to the prevailing opinion can be an object of refutation, contrary to the results of speaker's own experience. In this case, the information content is denied, the authority of the information source is questioned. Information from third parties may also be subject to refutation, contrary to the results of their own experience. The content of information is denied, the competence of informants or communicative tasks of an informer is questioned – not to inform but to intimidate.

Key words: indirect evidentiality; reportative category; speech act; speech strategy; pragmatic potential.

Введение. Категория эвиденциальности сравнительно молодая категория. Ее появление связано с исследованиями языков народов Южной Америки в конце прошлого века, в ходе которых было выявлено, что способы получения информации могут выражаться в языке различными средствами – от грамматических до лексико-синтаксических. Категория эвиденциальности указывает на способ получения информации и

представляет собой функционально-семантическую категорию с двумя ядерными компонентами – категорий косвенной и «прямой» эвиденциальности. «Прямая» эвиденциальность связана с личным и прямым восприятием информации самим говорящим. Косвенная эвиденциальность подразумевает получение информации от третьих лиц, в результате умозаключений или

наблюдения фактов. Центральное место в поле косвенной эвиденциальности принадлежит категории пересказываемости, которая предполагает оформление информации с указанием источника. Источник информации может различаться масштабностью – от информационного агентства до частного лица. Целью данной статьи является рассмотрение прагматического потенциала категории пересказываемости, т.е. выявление случаев функционирования данной категории в коммуникативных ситуациях для достижения определенных целей. Наша задача – установить в каких случаях в речи ссылаются на чужое мнение. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что исследования по данной проблеме имеют фрагментарный характер, отмечая лишь частные моменты использования категории пересказываемости в речевых актах и стратегиях. В качестве материала исследования был выбран мультимедийный корпус Национального корпуса русского языка. При анализе был использован семиологический подход – от средств выражения к значениям, т.е. сначала устанавливался факт указания источника информации, затем определялась его прагматическая роль. В статье проанализированы шесть примеров, выявленных в мультимедийном корпусе.

Теоретический обзор. Ссылка на источник аргументации, который, по мнению говорящего, является авторитетом для собеседника, – традиционный риторический прием, известный как одна из уловок полемики (Поварнин 1992). Ю. Левин рассматривает ссылки на источник

информации как один из приемов коррекции модели мира (модальные преобразования). Уловка заключается как в некорректном использовании ссылки на кого-либо, так и вообще в самом упоминании данного лица без необходимости (Левин 1974). Учет и активное использование авторитетов (и одной из его разновидностей – общественного мнения) является одним из ключевых способов манипуляции сознанием. Основное требование к авторитету заключается в его значимости для объекта.

«Положительные» реализации: «Даже N считает, что это лучше»; «Все делают так – и ничего, а ты что лучше?»; «Мешочки для ведра – весь мир знает, как это удобно, и пользуется этим повсеместно»; продавец на рынке: «Я даже себе такую же оставила». В последнем случае продавец сам представляет, по его мнению, авторитет для покупателя и апеллирует к своему вкусу.

В случае «отрицательной» реализации этого коммуникативного хода Авторитет заменяется негативно значимым образом – своего рода Авторитетом-пугалом:

- Так, как ты хочешь поступить, может поступить только последний идиот!

- Если хочешь порадовать N, делай так, как наметил (при этом N не авторитет для слушающего) (Иссерс 2008: 156).

В ситуациях, которые располагают к тактике комплемента, установки говорящего и слушающего на кооперативный тип общения совпадают. Комплемент может применяться в ситуациях, когда один из участников эмоционально не настроен на кооперацию. В этом случае

комплемент может выступать как компонент других тактик. Несовпадение установок может привести к коммуникативной неудаче, как в следующем примере:

- *Дуся! Детка! Не надо сердиться, вам не идет. Катюша уверяет, что когда Дуся улыбается, она молодеет на 50%.*

- *А когда Катюша говорит, так дурнеет на все 100%. (Тэффи, Страховка)*

Комплемент сделан «чужими устами», однако автор его антипатичен адресату, следствием чего является коммуникативная неудача (Иссерс 2008: 182].

Таким образом, указание источника информации от третьего лица квалифицируется: 1) как «использование авторитета» для манипуляции сознанием; 2) как вид комплемента.

Научные результаты и дискуссия.

В Национальном корпусе русского языка (далее НКРЯ) в мультимедийном корпусе отдельно выделен раздел поиска «Чужая речь», который включает наряду с другими опциями *пересказ, ссылку на чужое мнение, цитирование*. Был выявлен 1 пример ссылки на чужое мнение. В мультимедийном корпусе НКРЯ отдельно выделен раздел тип речевых действий «Чужая речь / сообщение», в котором предлагает 52 примера. Из данных примеров только пять содержат указание источника информации

КОНСОЛИДАЦИЯ С ЧУЖИМ МНЕНИЕМ

Наташа: Лёнъ / ты вино любишь?

Ленька: Нет. Я пиво люблю.

Наташа: Пиво / это ещё ничего. Пиво даже полезно. Особенно / говорят / с молоком.

Ленька: Попробуем! (Л. Кулиджанов, Н. Фигуровский. Когда деревья были большими, к/ф (1961).

Репрезентация. Ссылка на источник информации *говорят* и сама информация представлены двумя отдельными предложениями *Пиво даже полезно. Особенно /с молоком*. Информация репрезентирована полным предложением с подлежащим пиво и сказуемым полезно, выраженным кратким прилагательным. Второе предложение является неполным и содержит дополняющую, уточняющую информацию – косвенное дополнение (*пиво*) с *молоком* в сочетании с интенсификатором сказуемого *особенно (полезно)*. Ссылка на источник представляет собой обособленное вводное предложение *говорят* в рамках неполного второго предложения. Источник информации выражен безличным вводным предложением совместно с дополнительной информацией.

Семантика. В данном примере источник информации является анонимным. Его можно квалифицировать как бытующее в обществе мнение, так как приведенная информация «*пиво с молоком полезно*» не является конкретной, а представляет собой вневременной факт, утверждение, не имеющее временной локализации. Данное утверждение преподносится как всеми принятый факт, известный определенной, обширной группе людей.

Прагматический потенциал. В данной ситуации обсуждается выбор напитков для празднования. Девушка узнает о вкусах своего приятеля, который заявляет, что он любит пиво, а не вино. Девушка одобряет выбор своего спутника, указывая что пиво по сравнению с вином менее опасно для здоровья *пиво / это ещё ничего*. Чтобы

укрепить мнение о безопасности и даже полезности пива, девушка приводит общеизвестный факт со ссылкой на бытующее мнение о полезности пива. Ссылка на бытующее мнение служит для поддержания своего мнения и своего авторитета. В данном случае происходит «повышение» своего авторитета за счет чужой информации.

(1) *Руденко*: Говорят / учиться не хочешь / ведёшь себя плохо.

Колька: Кто говорит-то? Вожатая / небось!

Руденко: Ты держи-держи! Какая разница / кто? (А.Салтыков и др. Друг мой, Колька!, к/ф (1961).

Репрезентация. Ссылка на источник информации *говорят* и сама информация представлены в рамках одного высказывания. Информация репрезентирована неполными предложениями с имплицитным подлежащим ты и сказуемыми *учиться не хочешь / ведёшь себя плохо*, выраженным личной формой глагола во втором лице настоящего времени. Ссылка на источник представляет собой обособленное предложение *говорят*.

Семантика. В данном примере источник информации является анонимным. Говорящий намеренно отказывается его уточнять, отклоняется от его конкретизации, используя безличное предложение. Данное утверждение можно квалифицировать как информацию высказанную не одним лицом, а отрицательное мнение, принадлежащее группе известных слушающему людей (Закамулина, Лутфуллина 2015). Можно также допустить, что разные части информации *учиться не хочешь / ведёшь себя плохо* были сообщены разными людьми. Второе предложение

представляет собой специальный вопрос, уточняющий источник информации *Кто говорит-то?* В рамках данного вопроса частица то отмечена оттенком пренебрежительного отношения к этому источнику, не заслуживающему доверия или имеющему предвзятое отношение и характеризующееся субъективной подачей информации. Затем неполное восклицательное предложение с частицей неуверенности *небось* указывает предполагаемый источник информации *Вожатая / небось!* Говорящий пытается оправдать свое сокрытие источника информации, заявляя, что принципиальным в данной ситуации является сама информация, негативно характеризующего слушающего.

Прагматический потенциал. В данной ситуации обсуждается поведение ученика директором школы, который со ссылкой на анонимный источник информации, обвиняет ученика в некорректном поведении. Директор не хочет усугубить отношения ученика, с окружающими его людьми, не хочет раскрывать своих информаторов и представить их в глазах ученика доносчиками. Ссылка на информацию из третьих лиц служит поводом для выдвижения обвинения. Говорящий имеет большой авторитет, будучи директором школы. Его задача повысить «вес» ранее выдвигаемых обвинений в некорректном поведении. В данном случае происходит «повышение» авторитета информаторов, которым доверяет директор, и, следовательно, достоверности чужой информации.

(3) *Володя*: А что говорят?

Кузьма: Говорят / вы́селим из Москв́ы. Вы́ как счита́ете / мо́гут или пуга́ют?

Володя: Могут.

Друг Кузьмы: Брось / Волóдь! Пугáют! (Л. Кулиджанов, Н. Фигуровский. Когда деревья были большими, к/ф (1961).

Репрезентация. Ссылка на источник информации *говорят* и сама информация *выселим из Москв́ы* представлены одним предложением. Информация репрезентирована неполным предложением с имплицуемым подлежащим *мы* и сказуемым *выселим*, выраженным глаголом в личной форме первого лица множественного числа настоящего времени. Здесь наблюдается рассогласование между субъектом – имплицуемым источником информации они *говорят* и субъектом информации – *мы выселим*. В данном случае логично было бы совпадение и субъекта-информатора и субъекта информации: они *выселяют* и они *говорят* или сообщают. Однако это рассогласование можно объяснить именно использованием глагола *говорят*, который подразумевает воспроизведение чужих слов *выселим*. Хотя в действительности реализуется устная передача информации, которая становится объектом последующего обсуждения.

Семантика. В данном примере источник информации является анонимным. Однако содержание информации *выселим из Москв́ы* позволяет догадаться о ее источнике, приписав данное сообщение самим его исполнителям – *администрации города Москвы*.

Прагматический потенциал. В данной ситуации обсуждается достоверность информации. С одной стороны, слушающий выражает свое согласие с мнением информатора о возможности *могут (выселить)*. С

другой стороны, говорящий эмоционально выражает свое несогласие как с мнением своего оппонента, так и с мнением информатора *Брось / Волóдь! Пугáют!* По его мнению, это информация служит для манипулирования сознанием, для запугивания людей и не является достоверной. Информация от третьих лиц является объектом опровержения, противоречащим результатам собственного опыта. Отрицается содержание информации, ставится под сомнение коммуникативные задачи источника информации – не информировать, а запугать.

ДИСКРЕДИТАЦИЯ ЧУЖОГО МНЕНИЯ

(4) *Первый киллер:* Говорáт / кáк встрéтишь Нóвый Гóд / тáк егó и проведёшь. А я прóшлый Нóвый Гóд в бáне встрéтил.

Второй киллер: И чтó?

Первый киллер: Ну чтó-чтó-чтó! Бóльше в бáню не ходíл.

Второй киллер: Знáчит / тáк хорошó помýлся / что гóд чíстым проходíл (А. Рогожкин. Операция С Новым Годом, к/ф (1996).

Репрезентация. Ссылка на источник информации *говорят* и сама информация представлены одним предложением *кáк встрéтишь Нóвый Гóд / тáк егó и проведёшь*. Информация репрезентирована условным предложением с имплицуемыми подлежащими *ты* и сказуемыми *встрéтишь, проведёшь*, выраженными глаголом в личной форме второго лица. Это высказывание можно отнести к пословицам. Вводное безличное предложение является неполным и представляет собой ссылку на источник.

Семантика. В данном примере источник информации является анонимным. Его можно квалифицировать как бытующее в обществе мнение, так как приведенная информация «*как встретишь Новый Год / так его и проведёшь*» не является конкретной, а представляет собой вневременной факт, утверждение, не имеющее временной локализации. Данное утверждение преподносится как всеми принятый факт, известный всем.

Прагматический потенциал. В данной ситуации обсуждается верность высказывания-пословицы. Первый киллер заявляет о своем опыте, противоречащем содержанию пословицы. Второй киллер пытается дать этому противоречию новое толкование *так хорошо помылся / что год чистым проходил*. Ссылка на бытующее мнение является объектом опровержения, противоречащим результатам собственного опыта. Отрицается содержание информации, ставится под сомнение авторитет источника.

(5) *Ученица:* ...что в олимпиаде могут участвовать одни восьмиклассники! А вот Клава говорит / ну прямо просила / умоляла / «Пожалуйста!»

Клава Огородникова: Да / я её так просила / и она согласилась. *Ученица:* Да / согласилась...

Евгения Петровна: Серьёзно? Молодцы!

Одноклассник: Там / говорят / такие трудные задачи / шó ни оди́н доце́нт их решíть не мо́жет!

Евгения Петровна: Ну что / а вы реши́ли?

Клава Огородникова: А мы реши́ли / мы всё реши́ли!

Евгения Петровна: Молодцы! (А. Салтыков и др. Друг мой, Колька!, к/ф (1961).

Репрезентация. Ссылка на источник информации *говорят* и сама информация представлены одним предложением *такие трудные задачи / шó ни оди́н доце́нт их решíть не мо́жет*. Информация репрезентирована сложноподчиненным предложением. Главное предложение является неполным *такие трудные задачи*, с отсутствующим сказуемым, распространенным определительным придаточным *шó ни оди́н доце́нт их решíть не мо́жет*.

Семантика. В данном примере источник информации является анонимным. Однако содержание информации *такие трудные задачи* позволяет догадаться о ее источнике, приписав данное сообщение участникам олимпиады, решившим задачи и посчитавших их трудными.

Прагматический потенциал. В данной ситуации обсуждается достоверность информации. С одной стороны, слушающий выражает свое согласие с мнением большинства о том, что задачи были действительно трудные. С другой стороны, говорящий эмоционально выражает свое несогласие с мнением этого большинства *А мы реши́ли / мы всё реши́ли!* Союз *а* подчеркивает противопоставление. С другой стороны эту ситуацию можно расценить как попытку завышения своего авторитета. Информации об успешном прохождении олимпиады предшествует информация о ее чрезмерной трудности, подкрепленная чужим мнением, чужой оценкой. Однако если игнорировать возможность данного толкования, то получается, что девочка изначально

поверила в информацию о чрезвычайной трудности олимпиады, лишь потом, пройдя ее, обрадовалась, что смогла опровергнуть общее мнение участников о ее сложности. Информация от третьих лиц является объектом опровержения, противоречащим результатам собственного опыта. Отрицается содержание информации, ставится под сомнение компетентность информаторов.

Заключение. Согласно анализу примеров, можно сделать следующие выводы. Нами выделяются две стратегии – стратегия консолидации с чужим мнением, признание информации от третьих лиц достоверной, и стратегия дискредитации чужого мнения, опровержение информации от третьих лиц. При реализации стратегии консолидации, при ссылке на информацию от третьих лиц может происходить «повышение» своего авторитета, если лицо, приводящее информацию, ниже статусом, чем источник информации. Например, ссылка на бытующее мнение служит для поддержания своего мнения. При ссылке на информацию от третьих лиц может происходить и «повышение» авторитета источника информации, если лицо, приводящее информацию, выше статусом. При реализации стратегии дискредитации чужого мнения, ссылка на бытующее мнение может выступать объектом опровержения, противоречащим результатам собственного опыта. В данном случае отрицается содержание информации, ставится под сомнение авторитет источника. Информация от третьих лиц может также выступать объектом опровержения, противоречащим результатам собственного опыта. Отрицается содержание информации,

ставится под сомнение компетентность информаторов или коммуникативные задачи информатора – не информировать, а запугать.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликтов интересов для декларации.

Information of conflict of interests: authors have no conflicts of interests to declare.

Список литературы

1. Дементьев В.В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. М: Глобал ком Studia philologica, 2013. 336 с.
2. Дементьев В.В. Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи // Вопросы языкознания. 2015. № 6, 78-107.
3. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи М.: URSS, 2008. 288 с.
4. Левин Ю.И. О семантике искажения истины // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и авторского перевода. М.: 1974. Вып 4. С. 108-117.
5. Лутфуллина Г.Ф., Закамулина М.Н., Семантика и прагматика простых форм будущего времени во французском и татарском языках // Г.Ф. Лутфуллина, М.Н. Закамулина // Вестник Нижегородского государственного университета. № 4 2015. С. 223-227.
6. Поварнин С. Спор: О теории и практике спора // Вопросы философии. 1990. № 6. С. 100-106.
7. Aikhenvald, Alexandra Evidentiality. Oxford University Press, Oxford. 2004.
8. Christopher Davis, Christopher Potts, and Margaret Speas. The Pragmatic Values of Evidential Sentences. UMass Amherst, 2016.
9. Garrett, Edward John. Evidentiality and Assertion in Tibetan. Doctoral Dissertation, 2001, UCLA.

10. McCready, Eric and Norry Ogata. Evidentiality, Modality, and Probability // *Linguistics and Philosophy* 30, 2007, P. 147-206.

References

1. Dementev, V. V. (2013), *Kommunikativnyye tsennosti russkoy kul'tury: kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike* [Communicative Values of Russian Culture: the Category of Personality in Vocabulary and Pragmatics], Global kom Studia philological, Moscow, Russia. [in Russian].

2. Dementev, V. V. (2015), *Theory of Speech Genres and Actual Processes of Modern Speech*, *Voprosy yazykoznaniya* [Linguistics Questions], Moscow, Russia, № 6, 78-107. [in Russian].

3. Issers, O. S. (2008), *Kommunikativnyye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative Strategies and Tactics of the Russian Speech], URSS, Moscow, Russia. [in Russian].

4. Levin, Yu. I. (1974), *On the Semantics of the Distortion of Truth*, Informational questions of semiotics, linguistics and author's translation, Moscow, Russia, № 4, 108-117. [in Russian].

5. Lutfullina, G. F. and Zakamulina, M. N. (2015), *Semantics and Pragmatics of Simple Forms of Future Time in the French and Tatar Languages*, *Bulletin of Nizhny Novgorod State University*, № 4, 223-227. [in Russian].

6. Povarnin, S. (1990), *The Dispute: On the Theory and Practice of the Dispute*, *Issues of Philosophy*, № 6, 100-106. [in Russian].

7. Aikhenvald, A. (2004), *Evidentiality*. Oxford University Press, Oxford, UK.

8. Christopher Davis, Christopher Potts, and Margaret Speas (2016), *The Pragmatic Values of Evidential Sentences*, UMass Amherst, Massachusetts, USA.

9. Garrett, Edward John (2001), *Evidentiality and Assertion in Tibetan*, Doctoral Dissertation, UCLA, USA.

10. McCready, Eric and Norry, Ogata (2007), *Evidentiality, Modality, and Probability*, *Linguistics and Philosophy*, 147-206.

Лутфуллина Гюльнара Фирдавиевна, профессор кафедры «Иностранные языки», доктор филологических наук, доцент.

Gulnara F. Lutfullina, Professor, Department of Foreign Languages, Doctor of Philology, Associate Professor.

РАЗДЕЛ III. ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-1-49-62

Ahmed Alduais

MICRO AND MACRO TYPOLOGICAL FEATURES OF THE MORPHOLOGY OF THE TURKISH LANGUAGE: CONFLICTING VIEWS BETWEEN WALS DATABASE AND NON-WALS DATABASE

Institute of International & Comparative Education
Faculty of Education, Beijing Normal University (BNU), Beijing, P.R. China
E-mail: ibnalduais@gmail.com

Abstract. Typology of morphology can be examined in terms of certain features e.g. fusions, exponence, inflectional synthesis, locus, affixation, reduplication, syncretism, etc. or with broader typological features like multifunctional inflectional features, compounding, genitive construction, etc. We refer to the former as macro level features of the typology of morphology of the Turkish language with reference to data presented from WALS database and we refer to the latter as micro level of the typology of morphology of the Turkish language with references to some linguists and researchers in the field of morphology. This two-folded presentation brings about an argument about the possible limitation of the WALS database as claimed and argued by the presented views – assuming contradicting conclusions about some typological features of morphology of the Turkish language.

Key words: language typology; morphology typology; Turkish language.

Introduction

Generally speaking, languages can be approached from different perspectives. When approaching typology of languages, for instance, this area could be even restricted to a certain linguistic component i.e. phonology, morphology, word order. Typology of morphology which is our concern can be examined in terms of certain features e.g. fusions, exponence, inflectional synthesis, locus, affixation, reduplication, syncretism, etc.. A major reference and source for this purpose is the online database and studies provided

on The World Atlas of Language Structures Online (WALS) (<http://wals.info/>). In this database, languages are introduced in terms of a number of features i.e. phonology, morphology, nominal categories, nominal syntax, verbal categories, word order, simple clauses, complex sentences, lexicon, sign languages, word order and other features. Within each feature, sub-features are included. For instance, in the case of morphology the following sub-features are included:

Table 1: Morphology sub-features according to WALS

Feature
1. Fusion of Selected Inflectional Formatives
2. Exponence of Selected Inflectional Formatives
3. Exponence of Tense-Aspect-Mood Inflection
4. Inflectional Synthesis of the Verb
5. Locus of Marking in the Clause
6. Locus of Marking in Possessive Noun Phrases
7. Locus of Marking: Whole-language Typology
8. Zero Marking of A and P Arguments
9. Prefixing vs. Suffixing in Inflectional Morphology
10. Reduplication
11. Case Syncretism
12. Syncretism in Verbal Person/Number Marking

The database is generally presented in terms of features for each language component i.e. morphology or another linguistic aspect i.e. nominal categories. The total included features are 192 of which 12 are related to morphology as

listed above. For detailed discussion of these features, a reader can go check the chapters' section which includes 151 chapters of which 10 are related to morphology as shown in the table below.

Table 2: Morphology related chapters according to WALS

Chapter's title
1. Fusion of Selected Inflectional Formatives
2. Exponence of Selected Inflectional Formatives
3. Inflectional Synthesis of the Verb
4. Locus of Marking in the Clause
5. Locus of Marking in Possessive Noun Phrases
6. Locus of Marking: Whole-language Typology
7. Prefixing vs. Suffixing in Inflectional Morphology
8. Reduplication
9. Case Syncretism
10. Syncretism in Verbal Person/Number Marking

The database represents data for 2.679 languages. In spite of the fact that all these languages have not been included in all features and chapters but it seems that the database is a long-term project where in any related studies are continuously included. The references section provides the reader with a list of all the consulted

reference where in a list of 7.374 is included. The authors' section is also another valuable feature in this database where 55 authors are listed where in the contributed articles and/or chapters are matched to each author.

Several studies argue against the practicality of the conclusions stated on

this database. For instance, Uzun (2012a) who argues against the significant of the reliability and validity of WALS database, builds his argumentation on the basis of some statistical typology presented on WALS. He approaches this issue with reference to other terms i.e. typicality, typology of languages, typological consistency. More interestingly, the author proposes that there are many factors that have not been taken into consideration and could affect the inferred conclusions and judgments in regard to each language. In addition to the consistency, the recency of

included resources and conducted studies about each language could also affect such results and result into some changes different from those included in WALS. The author concludes his review with the idea that WALS could be a good start towards building a better typology database of the world languages.

That being said, the author intends to account for a number of typological morphological issues of the Turkish language based on the WALS database as listed in the following table.

Table 3: Typological morphology features of Turkish

Features	Characteristic
Fusion of Selected Inflectional Formatives	Exclusively concatenative
Exponence of Selected Inflectional Formatives	Monoexponential case Monoexponential TAM
Inflectional Synthesis of the Verb	6-7 categories per word
Locus of Marking in the Clause	Dependent marking
Locus of Marking in Possessive Noun Phrases	Double marking
Locus of Marking: Whole-language Typology	Inconsistent or other Non-zero marking
Prefixing vs. Suffixing in Inflectional Morphology	Strongly suffixing
Reduplication	Productive full and partial reduplication
Case Syncretism	No syncretism
Syncretism in Verbal Person/Number Marking	Not syncretic

Fusion in Turkish

Fusion which refers to ‘the degree to which grammatical markers ... are phonologically connected to a host word or stem’. It has ‘three basic values:

isolating, concatenative, and nonlinear’ Bickel and Nichols (2013). According to Bickel and Nichols (2013), in fusion, languages could be classified in terms of the given values below.

Table 4: Turkish category in fusion based on WALS

Value	Turkish
Exclusively concatenative	○
Exclusively isolating	
Exclusively tonal	
Tonal/isolating	
Tonal/concatenative	
Ablaut/concatenative	
Isolating/concatenative	

According to this table, Turkish is shown as an exclusively concatenative language in terms of fusion. Actually, there are a number of aspects that has to be taken into consideration when examining fusions. For instance, degree of fusion, phonology consistency in terms of segmental and suprasegmental features, similarity degree and linguistic distance. The following are examples for these aspects in Turkish:

- [1] Arabam [my car]
[2] Arabam**ız** [our car]

In the second example, [-m] indicates singularity for 1st person and [-ız] indicates plurality. In other words, in the same item, we have both singular marker and plural marker. In the two following examples also, the plural of the two words is constructed following phonological consistency of the sounds.

- [3] Ev- ev**ler**
Kitap- kitap**lar** [book-books]

Having mentioned Turkish in terms of fusion as an exclusively concatenative language, consider the examples below:

- [4] Geliy**orum** → singular [-um] [I am coming.]

[5] Geliy**oruz** → plural [-uz] [We are coming.]

[6] Geliy**orlar** → plural [-lar] [They are coming.]

[7] Gel → [-zeor morph] [Come^{verb}]

[8] Gelsin → [-sin] [Come!]

There are actually many aspects that could be investigated in Turkish in this regard. Consider the following examples:

[9] Onun arabisini as compared to onun arabası [hid car]

[10] Tren ile as compared to trenle (full and short forms) [by train, with a train]

[11] The deletion of /r/ at the end of word like (Geliyor [s/he is coming.], Bekliyor [s/he is waiting.], to be pronounced as [nasalised /ɔ:/] etc.)

Uzun (2012b) argues in favour of a new proposal that could offer a more accurate ranking of languages in terms of their typology. The author starts his proposal with a presentation for the used assessing method on WALS. According to the author, WALS has been based on typology, typicality and consistency of languages. Having this in mind, the author uses the same database presented on WALS to shown that using the features of similarity and difference frequency among languages could results to more accurate

results ranking languages in terms of their consistency and typicality.

Fusion and Exponence in Turkish

The second typological morphology feature is exponence. According to Bickel

and Nichols (2013), it refers to ‘the number of categories that cumulate into a single formative’. Within this feature, the following values are possible.

Table 5: Turkish Language category in exponence feature based on WALS

Value	Turkish
Monoexponential case	○
Case + number	
Case + referentiality	
Case + TAM (tense-aspect-mood)	
No case	

Table 6: Turkish Language category in exponence feature based on WALS

Value	Turkish
monoexponential TAM	○
TAM+agreement	
TAM+agreement+diathesis	
TAM+agreement+construct	
TAM+polarity	
no TAM	

The first table shows exponence of Turkish in terms of case exponence as monoexponential. The second table present exponence in terms of Tense-Aspect-Mode (TAM) where Turkish is categorised as TAM monoexponential. In general, the following examples illustrate exponence in Turkish.

- [12] lAr→ -lara (dative)
- [13] lAr→-lere (dative)
- [14] lAr→-leri (accusative)
- [15] lAr→-larından (ablative)
- [16] lAr→-lerinden (ablative)
- [17] Kitap (+ referenced) [book]
- [18] Kitabı (- referenced) [e.g. the/that book]

Consider also these examples in terms of definite and indefinite accusative:

- [19] Ben eve gidiyorum. [I am going home.]
- [20] O eve gidiyorum. [He is going home.]
- [21] Evime gidiyorum. [I am going my home.]

More example in terms of part-all is:

- [22] Yemeği yedim. (all) [I had/ate the food.]
- [23] Yemek yedim. (some) [I had/ate something.]

Inflectional Synthesis, Locus, Affixation, Reduplication and Syncretism

To start with synthesis, it refers to the addition and/or use of an affix or a word to a certain grammatical category i.e.

tense, voice, agreement (Bickel & Nichols, 2013). Furthermore, synthesis can be either synthetic i.e. attaching an affix (English: walk-ed) or analytic i.e.

adding a separate word (English: will walk) (ibid). The following value are used on WALS to shown the representation of Turkish in terms of inflectional synthesis.

Table 7: Turkish Language category in synthesis feature based on WALS

Value	Turkish
0-1 category per word	
2-3 categories per word	
4-5 categories per word	
6-7 categories per word	○
8-9 categories per word	
10-11 categories per word	
12-13 categories per word	

According to this table, Turkish is shown within the 6-7 categories per word. This seems to be the default structure for Turkish. However, 8-9 categories per words seems to be possible according to the following example.

[24] Ev-ler¹-im²-iz³-de⁴-ki⁵-ler⁶-in⁷-iz⁸-den⁹

In spite of this, it should be noted that sometimes not all attachments are to be counted. For instance, (-me) [used for making negative] is not to be counted.

[25] Gelecek Gel~~me~~eyecek [-will come/ will ~~not~~ come]

Consider also the following detailed example.

Table 8: Detailed example of primary and secondary suffix in Turkish

Main suffix	Secondary suffix
-yor	∅ -m -uz sun Sunuz
-du	-im -dik
-miş	
-ır	
-malı	
-se	gel- ∅ – ∅
-e	Gelsin
-∅	

Having accounted for inflectional synthesis, now we will move to locus. Locus is going to be presented in terms of three aspects according to the WALS database: 1) locus of marking in the clause, 2) locus of marking in possessive

noun phrase and 3) locus of marking in whole language typology.

Basically locus is represented through ‘in any kind of phrase, overt morphosyntactic marking reflecting the syntactic relations within the phrase may

be located on the head of the phrase, on a non-head (i.e. on a dependent), on both, or on neither' (Nichols and Bickel 2013). In this case, languages could be categorised

in terms of the given values below. Turkish is within the dependent-marked category.

Table 9: Turkish Language category in locus feature based on WALS

Value	Turkish
P is head-marked	
P is dependent-marked	○
P is double-marked	
P has no marking	
Other types	

The second type of locus is that of marking in possessive nouns phrases. In this type also, five values could be used to categorise languages. In this type, Turkish changes to the double-marked category. Consider the following examples.

[26] Ben^{im1} güzel evim². →double marking [my beautiful my house*]

[27] Ben^{∅0} evi gördüm¹. [I saw the house.]

[28] Ben^{im1} evim gördüm². →double-marking [I saw my house.]

Table 10: Turkish Language category in marked locus feature based on WALS

Value	Turkish
Possessor is head-marked	
Possessor is dependent-marked	
Possessor is double-marked	○
Possessor has no marking	
Other types	

One more type of locus is that of whole-language typology. In this case, two types of values are given: first in the case of whole-language typology and then in the case of zero-marking of A and B arguments. The following two tables

illustrates such values. In the former, Turkish has the feature of inconsistent marking or other types. In the second case of A and B arguments, it has the non-zero marking value.

Table 11: Turkish Language category in locus feature based on WALS

Value	Turkish
Consistently head-marking	
Consistently dependent-marking	
Consistently double-marking	
Consistently zero-marking	
Inconsistent marking or other type	○

Table 12: Turkish Language category in locus feature based on WALS

Value	Turkish
Zero-marking	
Non-zero marking	○

The next typological morphology aspect is affixation i.e. prefixing vs. suffixing in inflectional morphology. Dryer (2013) used a number of values for

categorising languages in regard to this aspect. Turkish is among the predominantly suffixing languages.

Table 13: Turkish Language category in marked prefixing and suffixing feature based on WALS

Value	Turkish
Little or no inflectional morphology	
Predominantly suffixing	○
Moderate preference for suffixing	
Approximately equal amounts of suffixing and prefixing	
Moderate preference for prefixing	
Predominantly prefixing	

Another typological morphology aspect is reduplication which refers to ‘the repetition of phonological material within a word for semantic or grammatical purposes is known as reduplication, a widely used morphological device in a number of the world’s languages’ (Rubino, 2013). Three values are given in this

regard as shown below. Turkish is among the productive full and partial reduplication. Consider the following examples.

- [29] bembeyaz [snow/extremely-white]
[30] sapsarı [bright yellow]

Table 14: Turkish Language category in marked reduplication feature based on WALS

Value	Turkish
Productive full and partial reduplication	○
Full reduplication only	
No productive reduplication	

The last typological morphology aspect according to WALS is syncretism which could be presented in terms of: case syncretism and syncretism in verbal person and number marking. Four values are established in the first case as shown in the table below. In the second case, three values are established. In both cases,

Turkish as categorised as non-syncretic. This could be attributed to the explanation that languages which are characterised as pro-drop ones are non-syncretic as in the case of Turkish. On the other hand, languages which are marked as non-pro-drop languages, are considered as syncretic languages e.g. English.

Table 15: Turkish Language category in marked syncretism feature based on WALS

Value	Turkish
Inflectional case marking is absent or minimal	
Inflectional case marking is syncretic for core cases only	
Inflectional case marking is syncretic for core and non-core cases	
Inflectional case marking is never syncretic	○

Table 16: Turkish Language category in marked syncretism feature based on WALS

Value	Turkish
No subject person/number marking	
Subject person/number marking is syncretic	
Subject person/number marking is never syncretic	○

Inflectional Issues on Turkish conflicting with WALS database

Uzun (2015) argues against the view that Turkish adopts multifunctional inflectional affixes. His argument is mainly based on proposing an alternative approach for discussing such typological feature in Turkish. He presents the zero-morpheme along with taking into consideration pragmatic and discourse factors when accounting for such factor in Turkish. According to the author, many studies accounted for verbal inflectional affixes in Turkish and presented it as multifunctional inflectional languages where in a certain affix can have more than one function. Among these studies are those by: Johanson (1971, 1994); Aksu-Koç (1978); Slobin and Aksu-Koç (1982); Yavaş (1980, 1982); Erguvanlı-Taylan (1996); Bassarak (1994) and Kornfilt (1997). On the basis, of this, the author offers a zero-morpheme analysis for the inflectional affix in Turkish attempt to prove the opposite that each and every affix in Turkish stands by itself presenting a separate and/or [unique] function.

Further, the author presents an example from (Yavaş, 1980) quoted in Erguvanlı-Taylan (1996) explaining the misinterpretation of some morphological

aspects in terms of pragmatics and discourse (-ti), the tense marker functioning as mood marker. This argument continues with reference to Erguvanlı-Taylan's study (1996), the suffix (-ti) is presented in terms of two paradigms: one as a multifunctional inflectional suffix and one as a monofunctional in the case of past. The author sheds light on some problems of the multifunctional approach including the contradiction of inferred conclusions among researchers e.g. Erguvanlı-Taylan (1996) and Bassarak (1994) n regard to tense. Yet, it is shown that on the basis of previous literature like those by Tura (1986) and Kornfilt (1997) Turkish has already zero-morpheme. Evident examples for this include: (Ali burada Ø) [Ali is here] and (Geldim, Geldin, GeldiØ) [I came., You came., S/he came.]. Having this in mind, it seems to be possible according to author to dive into other aspects of tense-mood-aspect toward zero-morpheme analysis. The two suffixes (-TI) and (-(I)yor) are presented as [-perfective and + continuous] for the former and [+perfective and –continuous] for the latter—replicating the view that a tense-marker functioning as mood-marker. Similarly, (-AcAk) and (-Ir) are presented as [-perfective and –continuous] to

replicate the view that they are neither affixes of tense nor affixes of aspect; mood (presented through zero-morphemes each)! This applied also to the past affix (-TI) which is presented as [+past and –past] replicating the presented paradigms as multifunctional and mono-functional. The author also mentioned the zero-morpheme of mood presented as [-subjunctive (∅) and +subjunctive (others)] and the adverbs' case which according to him not only interacts with tense but also with aspect and mood.

Besides, (-mIş) is presented as [-subjunctive and +evidential], a mood-marker.

Compounding and genitive construction in Turkish

Theoretically, two views could be presented in regard to compounding and genitive possessive construction: transformational and lexical. In general sources of Turkish grammar, compounding and possessive construction are illustrated with examples as it follows:

Form	Example	English meaning
Adjective+ noun	Paralı okul	Self-funded school
Noun+ noun+ possessive	Yol parası	Toll
Noun+ noun	Süt nine	Foster-nurse
Nouns+ possessive+ noun+ possessive	Arabanın boyası	The car's paint

In the case of collocations, a continuous possessive construction is possible, e.g. hava gazı sayacı and hava gazı sayaç kapak vidası. Acceptability is also another feature that could be found during compounding and genitive constructions. Consider the following examples: duvar boyası, aslan ağzı, duvar boyaları, aslan ağızları, duvarın boyası, but not aslanın ağzı.

Moreover yet linguistically, phonological, phonetic, semantic and syntactic effects could also affect compounding and genitive possessive construction. In the case of phonetics for instance, consider the words: Cumartesi

(Cuma-ertesi) and kahvaltı (kahve-altı). In phonology, consider the stress which could mark compounding and genitive possessive construction in example like: kötü talih and kara yazı. Or, this affect could be in terms semantic compositionality. Consider the following three examples which present three different functions semantically: ateş böceği, su çiçeği and öğle yemeği.

Furthermore, compounding and genitive possessive construction can be approached using semantic-syntactic bases. Consider this example: sandık cinayeti (N+ N+ Poss.). Consider the following semantic-based constructions:

- [31] süt nine [foster-nurse: raised by a nurse of someone else]
- [32] süt baba [foster father: not real father, but raised by]
- [33] süt anne [foster mother: not real mother, but raised by]
- [34] süt oğul [foster son: not real son, raised by]
- [35] süt kızı [foster daughter: not real daughter, raised by]
- [36] süt kardeş [foster brother: not real brother, raised with]

Finally and with reference to (Sezer, 1982) compounding and genitive possessive construction can be approached in terms of reduction, deletion and action

of interest. Consider the following examples where all constructions seem acceptable:

Table 17: *Compounding examples in Turkish*

Examples	
Kitap pahalı	Adamın parası var
kitabın pahalı OLMası	adamın parasının OLMası
pahalı OLAN kitap	parası OLAN adam
pahalı kitap	paraLi adam

Comparatively, consider the following constructions where the last in each seems unacceptable:

Example	
Ali'nin evi var	Ali'nin kızI var
Ali'nin evinin OLMası	Ali'nin kızI OLMası
evi OLAN Ali	kızI OLAN Ali
*evli Ali	?kızLI Ali

Compounding formation based on hypothetical views e.g. sentence formation and word formation, strict lexical hypothesis and level ordering hypothesis (Uzun, 1994). Four types of compounding could be introduced:

Table 18: *Compounding types in Turkish*

Form	Example
Noun compounding	baba yiğit
Adjective compounding	alçak gönüllü
Adverb compounding	en aşağı
Verb compounding	geliver-!

Consider also the following examples:

Table 19: *More examples of compounding in Turkish*

Form	Example
+sI	gözü kara gözü tok gözü pek
+tAn	baştan kara baştan savma kulaktan dolma
+tA	çantada keklik denizde balık devede kulak
+(y)A	içe bakış içe kapanık içe donuk

Compounding in Turkish could be viewed and approached differently overpassing the classic views of

compounding on Turkish. Three approaches are possible to achieve this (Uzun, 1994):

Table 20: Proposed approaches to study compounding in Turkish according to (Uzun, 1994)

Approach	Example
Ending with two depended bases	[hasır [şapka]]
Attaching hypothetical base at the end	söz dizim[-i]
Attaching a discrete hypothetical base	sahan [-da] yumurta

Corpus-based and Data-based Morphology

Productivity and frequency, productivity areas, and possible restrictions are some areas of typology of the morphology of Turkish. (Uzun, 2006) reported the most frequently used derivations and their frequency status according to different sources i.e. (+IIk, +II, +ÇI, +IA-, +sIz). The same affixes can have different frequency order changing into (2, 4, 3, 5, 1). This argument is mainly based on Aronoff's views on word formation (1976). Moreover, according to Baayen's approach (1991), this order of frequency could change into something like (5, 3,

2, 4, 1), according to morphological productivity measure i.e. $P = n_1 / N$. Again, we would have a different frequency order according to the derivational productivity measure proposed by Bauer (2001) resulting into something like (2, 4, 3, 5, 1). The author presented the average frequency of these affixes by taking by converting the average of all these measures to have something like (4, 3, 2, 1, 2). In the first area, for instance, word classes are presented where nouns, adjectives, verbs and other classes appear in order according to their frequency. Productivity can be presented as shown below below.

Table 21: Productivity areas presentation

Productivity areas
Type based area
Production type area
Semantic function area

Table 22: Productivity measuring features in Turkish

Productivity measuring features
Type-base
Structure-base
Origin
Derivation-base
Neologisms

Verb classes with reference to Levin's hypothesis to the study of verb classes was also approached by (Uzun, 2003). The author raises an argument of verb classes alternation claiming that the application of this approach on other languages, other than English— which Levin used to support her arguments. Consider for instance the following example in English:

[37] I **cut** the bread with this knife.

[38] This knife **cut** the bread.

[39] This knife doesn't **cut**.

↑
↓

cut→ action is performed by the subject I

cut→ action is performed by the knife as a tool for cutting

cut→ action is referred to the ability of the tool to cut or do something!

According to Levin, semantic alternations in the verb cut resulted into change of semantic behaviour in the verb cut. This is exactly, what Uzun attempted on in his article with more emphasis on the alternation within a certain verb among languages i.e. Turkish and English.

Conclusions

Typology of languages, namely Turkish, yet specifically, morphology includes many features and aspects. While the WALS database presents a semi-comprehensive framework for these aspects and features – putting into action the efforts of the authors supporting their database, other linguists and researchers might look at the typology of morphology deeper than that being approached on the WALS database. Given that, the typological features of morphology seem to have macro and micro levels. The first represents those general aspects listed in tables 1 and 2 and some more others and the second could represent those very

specific features that can be found within certain dialects, idiolects, variations of within the same language as presented by Uzun and other researchers in the case of the Turkish Language.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликтов интересов для декларации.

Information of conflict of interests: authors have no conflicts of interests to declare.

References

1. Baerman, M., & Brown, D. (2013), *Case Syncretism*, Retrieved April 3, 2016, from The World Atlas of Language Structures [Online], Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, Available at: <http://wals.info/chapter/28>
2. Baerman, M., & Brown, D. (2013), *Syncretism in Verbal Person/Number Marking*, Retrieved April 3, 2016, from The World Atlas of Language Structures [Online], Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, Available at: <http://wals.info/chapter/29>
3. Bickel, B., & Nichols, J. (2013), *Exponence of Selected Inflectional Formatives*, Retrieved April 3, 2016, from The World Atlas of Language Structures [Online], Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, Available at: <http://wals.info/chapter/21>
4. Bickel, B., & Nichols, J. (2013), *Fusion of Selected Inflectional Formatives*, Retrieved April 3, 2016, from The World Atlas of Language Structures [Online], Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, Available at: <http://wals.info/chapter/20>
5. Bickel, B., & Nichols, J. (2013), *Inflectional Synthesis of the Verb*, Retrieved April 3, 2016, from The World Atlas of Language Structures [Online], Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, Available at: <http://wals.info/chapter/22>
6. Dryer, M. S. (2013), *Suffixing in In-*

flexional Morphology, Retrieved April 3, 2016, from The World Atlas of Language Structures [Online], Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, Available at: <http://wals.info/chapter/26>

7. Dryer, M. S., & Haspelmath, M. (Eds.). (2013), *The World Atlas of Language Structures* [Online], Retrieved May 1, 2016, from Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, Available at: <http://wals.info>

8. Nichols, J., & Bickel, B. (2013), *Locus of Marking in Possessive Noun Phrases*, Retrieved April 3, 2016, from The World Atlas of Language Structures [Online], Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, Available at: <http://wals.info/chapter/24>

9. Nichols, J., & Bickel, B. (2013), *Locus of Marking in the Clause*, Retrieved April 3, 2016, from The World Atlas of Language Structures [Online], Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, Available at: <http://wals.info/chapter/23>

10. Nichols, J., & Bickel, B. (2013), *Locus of Marking: Whole-language Typology*, Retrieved April 3, 2016, from The World Atlas of Language Structures [Online], Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, Available at: <http://wals.info/chapter/25>

11. Rubino, C. (2013), *Reduplication*, Retrieved April 3, 2016, from The World Atlas of Language Structures [Online], Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, Available at: <http://wals.info/chapter/27>

12. Uzun, N. E. (1990), *Türkçe dilbilgisinde 'Tamlama' Ve 'Bileşik' sorunu*. IV. Dilbilim Sempozyumu bildirileri: 17-18. [in Turkish].

13. Uzun, N. E. (1994), *Türkçede Bileşiğin Biçimlenişi: Varsayımsal taban yaklaşımıyla yeni bir sınıflama*. *Dilbilim Araştırmaları*, 128-140. [in Turkish].

14. Uzun, N. E. (2003), *Levin 1993'ün Sözlüksel Üye Değiştirimleri: Türkçe Üzerine Bir Deneme*, *Günümüz Dilbilim Çalışmaları*, 98-120. [in Turkish].

15. Uzun, N. E. (2006), *Türetim eklerinin türetkenliğini ölçme önerileri üzerine*. XX. Dilbilim kurultayı bildirileri, 147-159. [in Turkish].

16. Uzun, N. E. (2015), *A New Analysis for Verbal Inflectional Affixes in Turkish*, *International Journal of Foreign Studies*, 8(1), 39-62.

17. Uzun, N. E. (2012a), "Wals Yapabilir miyiz?": *26. Ulusal Dilbilim Kurultayı Bildirileri, 24-26 Mayıs 2012*, Yay.: Baykal, N. ve K. Büyükkarcı, G. Ulusoy, Süleyman Demirel Üniversitesi Yayını, Isparta. [in Turkish].

18. Uzun, N. E. (2012b), "WALS-tabanlı Tipolojik Sıralamalar İçin Bir Öneri": *16. Uluslararası Türk Dilbilim Kurultayı 18-21 Eylül*, Middle East Technical University, Ankara. [in Turkish].

Ahmed Alduais, Institute of International & Comparative Education, Faculty of Education, Beijing Normal University (BNU).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
РАЗДЕЛ IV. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-1-63-69

Mahdieh Boostani

EFFECTS OF DEATH IN THE POETRY OF RUMI
AND WHITMAN

Banaras Hindu University, India
E-mail: Mahdieh_boostani@yahoo.com

Abstract. This paper is a minor part of my PhD dissertation “Elements of Sufism in the Poetry of Rumi and Whitman: A Comparative Study” in which the attempt has been made to find out the common elements of Sufism in the poetry of the two prominent Iranian and American poets (Molana Jalal al-Din Mohammad Balkhi known as Rumi and Walt Whitman, romantic poet), which one of them is the concept of death. Death is one of the world phenomena, which appears to have attracted poets and great writers’ thought in Iran and world literature. This paper looked into one of the significant issues of human intellectual life, which is death in their poems. They have interpreted death, such as life or another birth; which is not only painful and bitter but also poets are waiting to embrace and savor its sweetness. Rumi and Whitman's views of the death, sometimes are quite similar to each other and in some cases are different. This paper tried to use their famous poems to convey their thoughts.

Key words: death; Iran and World literature; Rumi; Whitman.

Introduction

Death is one of the world’s mysterious subjects in the nations of the world culture, which is placed in front of birth and apparently considers the end of the natural life of any living creature of the universe. From the day the man is born, fought to stay alive and stood in the face of death. However, his natural life didn’t have an end except death. There are many stories in world literature where people are looking for ideal lands without death. All have been tried to treat a pain which is apparently not therapeutic.

In all religions, special attention has been given to the subject of death; the followers of the divine religions according

to the teachings of their religion have accepted death as the divine order and heavenly destiny. They have tried to open a window from the death of the physical to the spiritual world. In this case, death and life are considered as part of being and help us to continue our life.

In the materialistic literature, death is the end of everything, because the physical body will decompose and destroy after death. However, the followers of the major religions such as Christianity and Islam don’t have such a view, although it may be to have the disagreement in some detail. In this article, the issue of the mysterious death will be compared

between Muslim (Rumi) and Christian (Whitman) poets.

One of the subjects which is dear to the heart of every Sufi is the idea of life and the opposite of that, which is death. For the contemplative like Rumi, death seems much more important than life. They tried to understand life through perceiving death. The lover's courage is one of the main characteristics of love. Love encouraged him to sacrifice himself, deny himself to be selfless. This selflessness is the right and deep meaning of death.

Walt Whitman (1819-1892) is an American romantic poet. Poetry in his opinion stems from the spiritual source and his view of the universe, creation, and death is spiritual and transcendent. As Aspiz puts it, "Death is a vital component of his gospel of universal brotherhood and sisterhood, of his luminous vision of the progressive unfolding of the human race (particularly its American component), and of his profound spirituality" (Preface). In some cases, Whitman is very close to Islamic- Iranian mysticism, as far as he regards the principle of *Vahdat Al-Vojud* (Unity of Being) in all parts of nature, and said, "I celebrate myself, and sing myself, / And what I assume you shall assume, / For every atom belonging to me as good belongs to you" (2007, p. 52).

In Whitman's view, death was not the negative part of life, but part of the natural world, which never ends; however, it is continuous. Death is the unity of nature and all. Although he was the poet of democracy and joys of life, but he had a keen interest in death. As he put in the *Democratic Vistas*: "In the future of these States must arise poets immense far, and make great poems of death" (Aspiz, 2004, p. 1). In his idea, modern poets should write about death. The condition of the

nineteenth century and Whitman's own experience represent the omnipresence of death in the life of the people of the United States. Many reasons show the high rate of mortality at that age. One of them is the epidemic plague of the century. The Civil War (1861-1864) is another factor for the rising of mortality in Whitman's age. The high rate of suicide among slaves who thought death may bring them freedom can be another one. Russ Castronovo stated that "The citizenship in nineteenth-century America was governed by an insidious 'necro ideology'" which he defined:

... a set of deathly effects specific to the nineteenth-century United States [which] eternalizes socio historical relations as neither social historical by conceptualizing the unmarked soul as refuge from the politicized body, idealizing the afterlife as a perfected social order, and representing passivity and somnolence as democratic virtues. (Frank, 2007, p. 4)

The nineteenth century was the time of mourning for Americans. Philippe Aries a French medievalist and historian refer to the nineteenth century as an "era of mourning" (1974, p.67) which the modern psychologists call "hysterical mourning" (1974, p.67). Hence, Whitman tried to make serious attempts in his writings to redirect people's attitude towards death.

Besides the cultural influence, Whitman's own experience due to the death of his grandmother, father, brother, sister-in-law, and the death of his mother, which he described as "the great dark cloud of my life" (Oliver, 2006, p. 5) is so much important. Moreover, the President Abraham Lincoln's death was a great nation's sorrow on that time. Whitman presented a series of lectures titled "The Death of Abraham Lincoln."

He devoted his work to reflect and interpret the concept of death. Before his death, he bought a lot in the cemetery of the city with a big tombstone, carrying his name. Furthermore, he added some poems to the 1881 edition of *leaves of Grass*, which is eventually called the “deathbed edition.” So, Whitman was so close to death, whether personally or nationally. Havelock Ellis said that Whitman “aspires to reveal the loveliness of death” (Aspiz, 2004, p. 111), and “speaks not only from the standpoint of the most intense and vivid delight in the actual world but possesses a practical familiarity with disease and death which has perhaps never fallen to the lot of a great writer” (Aspiz, 2004, p.111).

He declared: “I say better things about death than orthodoxy with all its boasts is say” (Aspiz, 2004, p. 2). In his poem “Scented Herbage of My Breast” he said: “Through me shall the words be said to make death exhilarating” (Whitman, 2007, p.134). Daniel G. Brinton confirmed Whitman’s poems are essentially songs of death, which is an essential part of the universe for him. Brinton, also, mentioned some factors that shaped Whitman’s concept of death:

Saturated as they are with the zest of life, marvelously sensitive as they are to every passing thrill of pleasure, to every glad sound or sight, they are essential paeans of Death. Whatever is, is of worth as part of the I, and only of worth as that I is immortal, is the defiant conqueror of Death and Time. This was no matter of tradition or education with Walt. It was the inevitable product of his genius, the logical result of his conception of man and the universe. Both, to him, were futile and worthless without the continuance of the mortal life

hereafter. This alone, to his mind, offered a rational cause for existence. Unless the individual survives the mutation of matter, the universe is purposeless. . . . To Walt it was the positive conclusion to the severest ratiocination. It is only with this thought constantly in mind that we can read the poems intelligently or sympathize with his acute love of life. (Aspiz, 2004, p. 2)

Whitman tried to represent death with so many images like Passageways, roads, gates, embouchures, twilight, autumn, leafless trees, etc. He tried to convince people that death is not the end of life, but an inevitable factor of the universe; he wrote, “I feel and know that death is not the ending, as was thought, but rather the real beginning” (Masters, 1968, p. 315). Walt Whitman is the celebrator of death and immortality, which his *Leaves of Grass* is the main source of this concept. It contains more than two hundred words and synonyms of death and mortality.

The views of two poets regarding death

Mystical death is sweet.

Mystical death is the one which is not only painful but also sweet and lovely. In this death, the body and the soul are separated and soul achieves the Divine Union. Rumi said: “All this dying is not the death of the (physical) form: this body is (only) like an instrument for the spirit” (Nicholson, 2011, *Mathnavi* V: 3821).

Whitman also referred to the sweetness of death and said: “In the day, in the night, to all, to each, / Sooner or later delicate death” (Whitman, 2007, p. 388). In another part, he addressed the death and said:

Approach strong deliveress,
When it is so, when thou hast taken
them I joyously sing the dead,

Lost in the loving floating ocean of thee,

Laved in the flood of thy bliss O death. (Whitman, 2007, p. 389)

Whitman's poem entitled "A Song of Joys," praised life, its effects, and the various elements and referred to the separation of the body from the soul. At the end of his poem, not only referred to the joy of life but also the joy of death:

For not life's joys alone I sing, repeating – the joy of death!

The beautiful touch of Death, soothing and benumbing a few moments, for reasons,

Myself discharging my excrementitious body to be burn'd, or render'd to powder, or buried,

My real body doubtless left to me for other spheres,

My voided body nothing more to me, returning to the purifications,

Further offices, eternal uses of the earth. (Whitman, 2007, p.214)

It can be concluded that both poets have seen death from the spiritual and mystical view. In Rumi and Whitman's idea, death is a way to release the soul from the prison of the body. After the liberation of the soul, he will achieve the Divine Beloved. Hence, death is lovely and sweet.

Death is the rebirth of man:

Rumi considered death as the birth of the soul and his life in another world which the real one is:

I died to the inorganic state and became endowed with growth, and (then) I died to (vegetable) growth and attained to animal.

I died from animality and became Adam: Why, then, should I fear? When have I become less by dying?

At the next remove I shall die to man, that I may soar and lift up my head amongst the angels;

And I must escape even from (the state of) the angel: *everything is perishing except His Face.*

Once more I shall be sacrificed and die to the angel: I shall become that which enters not into the imagination.

Then I shall become non-existence: non-existence saith to me, (in tones loud) as an organ, Verily, unto Him shall we return. (Nicholson, 2011, *Mathnavi* III: 3901-06)

Whitman also expressed his optimistic view about death in section 7 of "Song of Myself." In his idea life is equal to death, and death is equal to birth. "Has any one supposed it lucky to be born?/ I hasten to inform him or her it is just as lucky to die, and I know it./ I pass death with the dying and birth with the new-wash'd babe, and am not contain'd between my hat and boots" (Whitman, 2007, p. 57).

Like every Sufi, Rumi is the seeker of death:

I am an idle vagabond, seeking blows and desiring blows: do not seek rectitude from the vagabond on the road.

Not the one who cleaves to every shop; nay, but (the one who) springs away from (phenomenal) existence and strikes upon a mine (of reality).

Death and migration from this (earthly) abode has become as sweet to me as leaving the cage and flying (is sweet) to the (captive) bird. (Nicholson, 2011, *Mathnavi* III: 3947-51)

Rumi expressed the wisdom of death:

A certain man was saying, "The world would be delightful, were it not for the intervention of death."

The other said, “If there were no death, the tangled world would not be worth a straw.

It would be (like) a stack heaped up in the field and neglected and left unthreshed.

You have supposed (what is really) death to be life: you have sown your seed in a barren soil.

The false (discursive) reason, indeed, sees the reverse (of the truth): it sees life as death, O man of weak judgement. (Nicholaon, 2011, *Mathnavi* V: 1760-64)

Hence, Rumi considered death a means of wrapping up creation of the heaven, earth, and human, which is not destruction. He has brought the most beautiful form of the expression in the story of the baby into the fire who addressed his mother:

She was about to bow down before the idol (when) the child cried, “Verily, I am not dead.

Come in, O mother: I am happy here, although in appearance I am amidst the fire.

The fire is a spell that binds the eye for the sake of screening (the truth); this is (in reality) a Divine mercy which has raised its head from the collar (has been manifested from the

Unseen).

Come in, mother, and see the evidence of God, that thou mayst behold the delight of God's elect.

Come in, and see water that has the semblance of fire; (come away) from a world which is (really) fire and (only) has the semblance of water.

Come in, and see the mysteries of Abraham, who in the fire found cypress and jessamine.

I was seeing death at the time of birth from thee: sore was my dread of falling from thee;

(But) when I was born, I escaped from the narrow prison (of the womb) into a world of pleasant air and beautiful colour.

Now I deem the (earthly) world to be like the womb, since in this fire I have seen such rest:

In this fire I have seen a world wherein every atom possesses the (life-giving) breath of Jesus. (Nicholson, 2011, *Mathnavi* I: 785- 794)

Rumi analogized the transition from the mundane world to the spiritual one by transferring the child from the tight, and the dark womb to the vast and big world and implied that man won't be destroyed by death, rather he will step into the world much larger. He encouraged people not to fall in love with the dirty dishes of the mundane womb.

In part 6 of “Song of Myself”, Whitman described death as follows:

The smallest sprout shows there is really no death,

And if ever there was it led forward life, and does not wait at the end to arrest it,

And ceas'd the moment life appear'd.

All goes onward and outward, nothing collapses,

And to die is different from what any one supposed, and luckier. (Whitman, 2007, p. 57)

For Rumi, death was not the end of life; it rather implies the birth of a new form of spiritual life. Whitman considered the reality of life after death by observing the “smallest sprout.” Death is not to arrests life; it rather leads to the resurrection, rejuvenation and renewal of life. The verse “The smallest sprout shows

there is really no death” represents Whitman’s reverence of death. The American Whitman believed no one really dies, “Nothing collapses,” death is the beginning of the new life. The body, the physical form dies, but the soul is immortal.

Whitman spoke not only of life but also death, which is the vital and key part of the cycle of life. In his idea, it is only through death, which the soul will be liberated to be united with the Ultimate and gain its purpose of existence.

“To Think of Time” is another poem, which represents immortality of the soul after death. In a room, a dead person laid on the bed and his family gathered around the corpse. Then poet started raising the following questions:

Have you guess’d you yourself
would not continue?

Have you dreaded these earth-
beetles?

Have you fear’d the future would
be nothing to you? (Whitman, 2007, p.
488)

In his view, as long as there is death, there must be a new life: “Not a day passes, not a minute or second without an accouchement, /Not a day passes, not a minute or second without a corpse”. Like Rumi, he equated life and death; the speaker in the poem suggests:

The breath ceases and the pulse of
the heart ceases,

The corpse stretches on the bed
and the living look upon it,

It is palpable as the living are
palpable. (Whitman, 2007, p.488-9)

After death, the soul can fly freely, he implied, “You are not thrown to the winds, you gather certainly and safely around yourself, /Yourself! yourself! yourself, for ever and ever!” (Whitman, 2007, p. 491).

Both poets didn’t consider death as the end of life. This subject among all nations has been accepted as a religious and popular belief. Humans always consider dead people alive.

The relationship between death and nature

Death is part of nature, as birth is part of it. Whitman and Rumi have emulated death with the natural rules. Whitman in “Song of Myself” referred to the grass; grass is the symbol of life-death cycle, which is always born. Grass cannot be permanently destroyed by death because grass is the handkerchief of the Lord.

In section 6 of “Song of Myself”, he referred to the child which his hands are full of grass, showed him and asked:

What is the grass? fetching it to me
with full hands;

How could I answer the child? I do
not know what it is any more than he.

I guess it must be the flag of my
disposition, out of hopeful green stuff
woven.

Or I guess it is the handkerchief of
the Lord,

A scented gift and remembrancer
designedly dropt,

Bearing the owner’s name
someday in the corners, that we may
see and remark, and say Whose?

Or I guess the grass is itself a child,
the produced babe of the vegetation.

In Persian literature, grass has unbreakable bound with life and death. In Whitman’s poetry, soul is immortal while the body remains in the earth but represents itself in the form of grass: “I bequeath myself to the dirt to grow from the grass I love, / if you want me again look for me under your boot-soles” (Whitman, 2007, p. 104-5).

Both poets considered the human body as part of nature. After death, the body will back to nature which reminds us the concept of death. Among the manifestations of nature, grass recalls life. In their views, the body is rotted, but grass after death grows on the human grave.

Death is part of Unity:

Whitman in some parts of his poems passes from death and believes there are more important and elegant things behind death. Whitman, like Rumi is close to the Unity. In Unity, there is everything: death, joy, love, and eternity. He considered death a way to establish the certain relation with God. In section 50 of “Song of Myself”, the poet said, “It is not chaos or death – it is form, union, plan – it is eternal life – it is Happiness” (Whitman, 2007, p. 104).

Moreover, in Section 49 of “Song of Myself,” the poet requested death not to warn him, for there is no real death and expressed the ‘oneness of all’ is the soul’s merge with the divine after releasing through death. Man dies and reborn in different forms. “And as to you Death, and you bitter hug of mortality, it is idle to try to alarm me” (Whitman, 2007, p. 102).

Rumi said, “Those persons, then, who have passed from the world are not naught (nonexistent), but they are steeped in the (Divine) Attributes./ All their attributes are (absorbed) in the Attributes of God, even as the star is (left) without trace in the presence of the sun” (Nicholson, 2011, *Mathnavi* IV: 441-2).

Conclusion

With the attitudes of the two outstanding poets, clearly they are more common than the differences. According to the both poets, a mystic death not only is not the end of his existence but also is the beginning and his rebirth; such a death causes the liberation of the soul from the

cage of the body to achieve the eternal life. Immortality is not limited only in spirit, but the human body returns to his main mother (soil), and in the cycle of life causes the lives of other creatures. Hence, death is part of the material and spiritual life of human beings. In Whitman’s view, death is manifested as the part and the cycle of life. Like Rumi, he believed everybody should be the seeker of death rather to be feared because death represents a transition from one state to another. He emphasized the immortality of the soul and body after death.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликтов интересов для декларации.

Information of conflict of interests: authors have no conflicts of interests to declare.

References

1. Aries, Philippe. (1974) *Western Attitudes toward Death: From the Middle Ages to the Present*. Trans. M. Ranum Patricia. Baltimore and London, Johns Hopkins UP.
2. Aspiz, Harold. (2004) *So Long! Walt Whitman’s Poetry of Death*. Tuscaloosa and London, The University of Alabama Press.
3. Frank, Lucy E. (2007) *Representations of Death in Nineteenth-Century US Writing and Culture*. England, Ashgate Publishing Limited.
4. Masters, Edgar Lee. (1968) *Whitman*. New York, Biblio and Tannen,
5. Nicholson, Reynold. (2011) A. *The Mathnawi of Jalaluddin Rumi*. Cambridge, University of Cambridge.
6. Oliver, Charles. (2006) *M. Walt Whitman: A Literary Reference to His Life and Work*. New York, Facts on File.
7. Whitman, Walt. (2007) *Leaves of Grass*. New York, Pennsylvania State University.

Mahdiah Boostani, Research Scholar, English Department, Faculty of Arts, Banaras Hindu University, Varanasi.

DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-1-70-78

Zhai Li

PROBING INTO THE MYTHOLOGICAL IMAGES IN
MAO ZEDONG'S POEM "IMMORTALS: REPLY TO LI SHUYI"

China University of Petroleum (East China)
Qingdao, Shangdong Province, China, 266580
E-mail: zhaili@upc.edu.cn

Abstract. Mythological images play an important role in literary works and are ingeniously applied in Mao Zedong's poetry. By studying the various aspects of the mythological images in his poem, we can gain a deeper insight into the compressed meanings of the poetic art that are unheeded before. This paper will discuss the different dimensions in the mythological images in Mao Zedong's poem, *Die Lian Hua: Reply to Li Shuyi*, probing into the different layers of depth in meaning from cultural, psychological and spiritual perspectives.

Key words: mythological images; Mao Zedong's poetry; *Die Lian Hua*; mythological and archetypal approaches.

INTRODUCTION

The Immortals: Reply to Li Shuyi is written by Mao Zedong in memory of his deceased wife Yang Kaihui, as a reply to the poem written by Li Shuyi, a teacher of Chinese in No. 10 Middle School of Changsha, an intimate friend and classmate of Yang Kaihui. In 1924, through Yang's introduction, Li Shuyi got to know, and later on married Liu Zhixun, then one of Mao's comrades-in-arms. In the summer of 1933, word came that Liu was killed in a battle. Weighed down with sorrow and sadness, Li Shuyi later on wrote a poem *To the Tune of Buddhist Dancers* (《菩萨蛮》) in memory of her husband. It was not until the foundation of the People's Republic of China in 1949 that Li Shuyi acquired the exact information about the death of her husband. On January 17, 1950, Li wrote to Mao, informing him details of Yang Kaihui's death, and Mao replied to her on April 18, in the form of this poem. In January 1957, Mao's poems (18 in all) were published in the first issue of the

magazine *Poetry* in Peking, and it had been 28 years since his wife devoted her life to the revolutionary cause [14: 183-184]

The poem is written in the form of Ci (词). As an offshoot of Shi (诗) "poetry", Ci was evolved in the second half of the cosmopolitan Tang Dynasty (618-907), when Shi had become stereotyped, and poets sought liberty in prosody and diversion by adjusting their verses to folk airs and newly imported foreign melodies [9: 288]. This kind of poem is characterized by delicate expressions of various length, and number of lines to suit the musical mode, which became rigid patterns with more exacting rhyme scheme and tonal sequence for the aspirant to fill in word for word. Ci reached its summit in the Song Dynasty (960-1279), becoming one of the major vehicles for much of China's best poetry. Ci was less frequently set to music, although the original "tune patterns" continued to be applied in setting the form of the poems. Furthermore, the precise

tonal pattern for each sound in the sequence is also specifically prescribed, and all first-class poets adhere faithfully to these rigid requirements.

This poem is of peculiar significance in Mao Zedong's poetry, for it concerned with his personal feelings and innermost sentiments. Furthermore, as a poet, Mao Zedong occupied a unique position, hailed as the official Muse of the Arts in the People's Republic [7: 61], whose poetry bespeaks not only his own emotions and talents, but also loaded with memories and remembrances of the collective consciousness and unconscious sentiments of Chinese people.

MAIN PART

1. Literal Interpretation of the Poem "Immortals: Reply to Li Shuyi"

The original poem is quoted here:

蝶恋花·答李淑一
我失骄杨君失柳，
杨柳轻飏直上重霄九。
问讯吴刚何所有，
吴刚捧出桂花酒。
寂寞嫦娥舒广袖，
万里长空且为忠魂舞。
忽报人间曾伏虎，
泪飞顿作倾盆雨。 [13: 183]

The Translation (Xu Yuanchong's version)

Tune: Butterflies Linger over Flowers

The Immortals: Reply to Li Shuyi

You've lost your Willow and I've lost my Poplar proud,

Their souls ascend the highest heaven, light as cloud.

The Woodman, asked what he has for wine,

Brings out a nectar of laurels divine.

The lonely Goddess of the Moon, large sleeves outspread,

Dances up endless skies for these immortal dead.

From the earth comes the news of the tiger o'erthrown,

In a sudden shower their tears fly down. [13: 83]

The poem consists of eight lines, which can be divided into two stanzas, with 60 Chinese characters. In the first line, “我失骄杨君失柳”. Xu Yuanchong has translated this line as “I lost my proud Poplar and you your Willow”. In merely seven words, “失” (“lost”) is repeated twice, expressed a very strong feeling of sorrow and sadness, indicating the inconsolable “loss” in life, since both the poet and Li Shuyi lost their dearest, and most beloved person in life. Notably, here is a pun ingeniously used: the Chinese family name “杨” and “柳” (“Yang” and “Liu”) and have the same pronunciation and the same form of writing as “poplar” and “willow”, which are two kinds of trees, commonly loved and cherished by Chinese people, which are also frequently applied images in classical Chinese poems to express remembrances and reluctance for departure.

The second line: “杨柳轻飏直上重霄九”, “杨柳”(Yang+Liu) thus is a pun, with the double meaning “Yang Kaihui and Liu Zhixun” and the trees, Polar and Willow, translated as “Their souls ascend the highest heaven, light as cloud.” This line describes the branches of polar and willow uplifted swiftly by gentle winds, (their flowers and seeds) soaring to the celestial paradise. This is the poet direct answer to Li Shuyi's question in her poem

“Where had our martyrs gone?” That is their pilgrim souls, like the flowers and seeds of the Polar and Willow trees, soaring upwards to the highest heaven, i.e. the celestial paradise eternally remembered and revered by the living people. Furthermore, the poet envisages a captivating beautiful scenes in heaven describing how the heroic souls of Yang Kaihui and Liu Zhixun, directed by waving branches to the highest, infinite celestial heaven, like the winged seeds of poplar and willow, “ascend the highest heaven, light as cloud.”

The third line and fourth line: “问询吴刚何所有？吴刚捧出桂花酒”。

Translated as: “**The Woodman**, asked what he has for wine, /Brings out a nectar of laurels divine”. The Woodsman refers to the mythological figure, **Wu Gang**. Arriving at the Moon Palace, they meet Wu Gang, the god of the Moon, the man who had been continuously cutting the osmanthus tree. Asked what he could offer for their entertainment, Wu Gang provided his dearly cherished **Wine**, that is, “a nectar of the laurels divine” made from osmanthus blossoms. The translated version adopted the domestication strategy to make is easily acceptable to the western readers by translating the osmanthus wine into “a nectar of laurels divine”. “桂花”(“Gui Hua”) has the same or similar pronunciation with “(高)贵”(Gao Gui)“sublimity”, “Nobleness” or “dignity”. This image has the connotation of admiration, worship or high esteem.

In the second stanza, the fifth and sixth lines: “寂寞嫦娥舒广袖，万里长空且为忠魂舞”。 “The lonely Goddess of the Moon, large sleeves outspread, / Dances up endless skies for these immortal dead”. The lonely moon goddess spreads her ample sleeves, and dance for these loyal

souls in infinite space. Here the lonely and solitary Moon Goddess, Change’E, came out and danced for them, extending her wide sleeves over the sky for thousands of Li (a measurement of length in Chinese, one Li is 500 meters in length) to show her reverence for them. The last two lines: “忽报人间曾伏虎，泪飞顿作倾盆雨”。

“From the earth comes the news of the tiger o’erthrown / In a sudden shower their tears fly down.” Suddenly when they heard the tidings that the Chinese people had won victory of the revolutionary cause, then their tears of joy pour forth as rain-flood flying from heaven to earth.

2. Mythological Images and the Cultural Implications

Northrop Frye, the preeminent advocate of archetypal criticism, defined archetype as “the recurring use of certain images or image clusters” in literature [3: 24]. Mythological images strike some very deep cord in the human heart when they can take us beyond the historical oldest beliefs and deep into our individual unconscious mind. According to Carl Gustav Jung (1875-1961), in the collective and in our individual unconscious are universal images, patterns, and forms of human experiences or archetypes. These archetypes can never be known directly, but they surface in art in an imperfect, shadowy way, taking the form of archetypal images. Jung argued that a part of the unconscious is linked by historical associations and communal “memories” to the unconscious minds of all people. The charm of poetry lies not only in its poetical ideas, but in the vivid mythological images appealing to the imagination [15: 57-59]. In the following part, the Chinese mythological or archetypal images are analyzed as follows:

2.1 *Die Lian Hua: Butterfly Linger- ing Over Flowers*

As an archetypal image, butterfly has two forms in the Chinese culture. One form is the lyric tonal pattern, "*Die Lian Hua*" (蝶恋花): literarily, meaning *Butterfly Linger- ing Over Flowers* or "*Butterfly Loves Flowers*". It not only indicates the structure of the poetic form, but also reminds the readers of the intimate relation between butterflies and flowers. Furthermore, there is another mythological image connected with the theme of love, entitled *Liang Zhu* (梁祝), which tell the story of the Chinese *Romeo and Juliet*, in which young lovers devoted to each other but died of family feuds, and they transformed themselves into paired butterflies flying together eternally, symbolizing eternal love. The "Hua Die" (化蝶, the transformation into butterflies) story, therefore reinforced the images of butterflies, which frequently appear in Chinese literary works to represent the idealized immortal love between lovers, and this concept is deeply embedded in Chinese culture. Mao Zedong, as a poet, is good at applying the verse form of Ci, and *Die Lian Hua* (蝶恋花) as a lyric pattern of tune, evidently is a deliberate choice to express personal sentiments and remembrances in an elegiac or mourning poem for his deceased wife, Yang Kaihui.

2.2 *Wu Gang: Cutting the Fragrant Osmanthus*

Chinese mythology held that a fragrant osmanthus grows on the moon, which is continuously cut by Wu Gang (吴刚). According to the folk tale, Wu Gang is obsessed with the idea of seeking to become immortal god, which enraged the Emperor in heaven to such an extent that Wu Gang is punished to cut the osmanthus on the moon. The Emperor

said that if he could fell the fragrant osmanthus, he would obtain the magic arts of attaining immortality. But, the osmanthus on the moon is actually a magic giant tree; it is as high as five hundred Zhang (a measurement of length, approximately equal to 3.3 meters). And sadly enough, the giant tree is self-healing, every chop Wu Gang cuts in the tree, the tree healed itself immediately. In this way he was condemned to the Sisyphean labor. Some other versions held that he was forced to cut it every 1,000 years lest its luxuriant growth overshadow the moon itself, others that he was obliged to cut it constantly only to see it regrow an equal amount every day. Whichever is the case, up to now Wu Gang is still cutting in the Moon Palace, and you could see the shade of the fragrant Osmanthus when there is bright and full moon, especially in the Mid-Autumn Festival. [11]

Wu Gang, as an ordinary human being, dream of becoming an Immortal, but punished by the Celestial Emperor to do endless Sisyphean labor. In this way, he attains his immortality, and sadly enough, at the price losing personal freedom and his family.

2.3 *The Osmanthus Wine*

The story of Wu Gang is closely connected with the osmanthus wine, which is nectar, intended for gods and goddess in Chinese mythology. The Chinese believe the full moon symbolizes family reunion, and hence, the Mid-Autumn Day, August 15, is set as a holiday for family members to get together and revere the full moon—a propitious token of abundance, concordance, and fortune. Also, the fragrant osmanthus is also closely associated with the Chinese Mid-Autumn Festival. Osmanthus wine is a traditional choice for this occasion as the "reunion

wine”, together with one’s family, and osmanthus-flavored confections and teas may also be consumed on this special occasion.

It is not difficult for us to understand from the mythological images of Wu Gang, the god of moon and osmanthus, extended both hands to serve the osmanthus wine, to show his reverence for Yang and Liu. Thus our heroes never departed from us, never very far from us, whenever we see the moon, we can feel that they are still with us, esp. on the occasions of the Moon Festival, when we are celebrating the family reunion. Their spirits have been sublimated to eternal spirits in the minds of people.

2.4 Chang'E Flies to the Moon

At the center of the poem is the mythological image of Chang'E (嫦娥), which is one of the four major myths in China. In ancient time, the Earth once had ten suns circling it, each taking turns to light up the Earth. But one fatal day, all ten suns came out together, searing the Earth with their heat. The Earth was redeemed by a strong miraculous archer named Hou Yi, who succeeded in shooting down nine of the suns. Hou Yi (后羿) in his greed stole the elixir of life from the Western Goddess (西王母) to continue and spread his despotic rule. However, his beautiful wife Chang'E imbibed the elixir of life to save the people from her husband's oppressive rule. After consuming the elixir, she was transformed into a fairy and she floated all the way to the Moon. Hou Yi was enchanted by his divinely beautiful wife so much that he refused to shoot down the Moon, thus making it her permanent abode. [15]

The mythological image of moon goddess is also mingled with sadness and melancholy. Chang'E, detached, separated, cut off from her family,

estranged and distanced from her husband, lives in the Moon Palace lonely and solitarily, although immortal. The goddess of the moon of Chinese people symbolizes double meaning, because of its waxes and wanes, for Loss and Frustration as well as Reunion and Regeneration [12]. In the poem, the lonely and solitary goddess of Moon extends her long sleeves in the vast heaven, dancing for these loyal souls in the infinite sky, showing her reverence for them. Their spirit will eternally inspiring the Chinese people, consoling them in their time of loss and despair, provide them with courage and determination, just like the moon shining beautifully and solitary in the dark night.

2.5 Taming the Tiger

In Chinese culture, there are many stories in Daoism, Buddhism, folklore and literature about “taming the tiger” and it is often coordinated with “subdue the dragon”, with the metaphorical implication meaning to subdue and conquer the demons and evil spirits or to vanquish them. This archetypal image is applied here to indicate overpowering formidable or surmounting great obstacles or adversaries. In this poem, “tiger subdued”, alludes to the ultimate overthrow of the Kuomintang (KMT国民党) rule in 1949. “Tiger” is used to express the cruel tyranny of KMT and the ferocity of reactionaries. From the context of the poem, the meaning of “taming the tiger” is not hard to get for anyone who knows the history of Chinese revolution, i.e. to win the victory of the Chinese revolutionary cause, for which our heroes and martyrs had been fighting for. This mythological image is the most significant in the whole poem, which deserves pondering again and again, because it links the mythological world with the real world, past and present, and suggesting

that they did not die but was rather truly victorious heroes, they are part of us and still together with us.

3. Aesthetic Values Achieved by Applying Mythological Images

What aesthetic values do the mythological and archetypal images impart to this poem? These perspectives are listed here to be considered:

3.1 Infusing New Spirit into the Mythological and Archetypal Framework

According to Frye, the task of archetypal critic is to help readers to see the "structures" of what they read by identifying literature's "organizing patterns of convention, genre and archetype". [3: 24] Mao Zedong in this poem managed to create a new Chinese national imagery by renewing traditional and ancient mythological and archetypal images of *Die Lian Hua*, *Wu Gang Cutting the Osmanthus*, *Chang'E Flies to the Moon*, etc. infused with the new spirit of sublimity and majesty of the poet's great mentality.

As is pointed out by Frazer, in *Golden Bough*, that death- rebirth myth is present in almost all cultural mythology, and is acted out in terms of growing seasons and vegetables [1]. In this poem, too, the mythological images are all connected with the death-rebirth and death-immortality. The imagery of seeds of poplar and willow spread themselves everywhere in the spring (1st stanza), mellowed and brewed osmanthus wine in autumn (2nd stanza) permeated the whole poem. The life of the revolutionary martyrs turned into "tears of happiness of victory" pour down as rain on earth (last two lines). Therefore, the mythological images on earth, in heaven and on the moon are connected, interacted and interwoven with each other. Such high

attainment is achieved by applying the mythological and archetypal images, which connecting man and nature, heart and soul, the material and the spirit, the finite and the infinite, mortal and immortal, which are fused into one unity and become indivisible. The past, present and future are reunited. Ordinary human beings and immortal gods and goddess are one in perfect fusion.

3.2. The Sublimation of the Unconscious Experience into Conscious Awareness

From the instances discussed above, it not difficult to find that the archetypal and mythological images are links connecting the traditional culture, psychological experience, emotions, wishes and needs, with real-life situations and collective conscious and unconsciousness. Thus the application of the mythological and archetypal images congregates the complex factors with power and strength, appealing to millions of readers, activating the mythologies that create resonance subliminally and emotionally in the readers' mind. People become more aware of what the revolutionary martyrs sacrificed for the Chinese people's freedom, extolled their noble spirit, and inspiring those who fighting for the sublime ideals of human beings.

3.3. Regeneration the Latent Power of the Mind

If the myths and archetypes in relation to the unconsciousness prove to be resources with contents of the deepest recesses of the human psyche, the same is true with the mythological images in poetry. When the latent potential of the mythological images is reawakened and activated they will sparkle splendidly with magic power to our imagination with vivid details and complicated associations. They will reawaken very mixed feelings

and emotions latent inaccessible elsewhere.

Most of the mythological images in this poem are associated with the moon, which is regarded as the most typical mythological symbol in Chinese culture. The Moon is the most visible symbol of Yin (阴, e.g. the moon), the feminine energy, the sign of sustaining and mothering, as opposed to the Yang (阳, e.g. the sun), the masculine energy, the sign of life and activity. Traditional Chinese culture conceived the Moon as a bearer of human emotions. Ancient Chinese myth and philosophy depict that the waxing and waning of moon greatly influenced the Chinese lunar calendar and Chinese philosophy regarding the quest for immortal life and occult wisdom.

3.4. Increasing the Spirituality of Poetry

Edward Hirsch claims that the defining characteristic of poetry is its spirituality. Poetry, which originated in prehistoric religious worship, has never lost "its sense of sacred mystery" [4:107]. The vocation of poets is thus "Orphic" (that is, mystical; associated with the miraculous gift for music manifested by Orpheus, a figure from mythology). Mythological images in poetry are like embedded stories with magic power, which are highly charged with spiritual values, associated with the past, present, and future.

CONCLUSION

Poetry is a verbal statement of emotional values; a poem is an emotional value verbally stated. Of course, the poet's feelings are not stated directly in prosaic language but by means of artistic mechanisms, including mythological images, loaded with complicated emotions accumulated from ancient times. *The*

Immortals – Reply to Li Shuyi shows the difference between Mao and other poets in treating the love theme, that is, Mao often have made great efforts to avoid overindulgence in love's romantic feelings bordering on sentimentality, and the employment of mythological images has attributed a lot in achieving this end. In addition, he often makes his poems end in a spirited tone and cheerful mood for loftier aspirations.

The poem stands as a sample instance for the poet's imaginative skill of compressing classical myths into modern poetry, in which the combination of personal sentiments and revolutionist dignity reaches a rare height of dynamic balance. The application of mythological images can help to achieve the following aesthetic values in the following perspectives:

- 1) To infuse new spirit into the mythological and archetypal framework;
- 2) To sublimate of the unconscious experience into conscious awareness;
- 3) To regenerate the latent power of the mind;
- 4) To increase the spirituality of poetry;

Published in 1958, a contemporary poem in date, this poem retains the essential aesthetic qualities of Chinese classic poetry. By applying the traditional form of Ci and adopting various mythological images in the poem, Mao Zedong retained the essential aesthetic qualities of the classical Chinese poem:

- 1) Sharp vivid images;
 - 2) Conciseness of expressions;
 - 3) Rhythmical and flexible cadences;
 - 4) Compactness of contents.
 - 5) Flexibility of sentence structures;
- [10]

For the younger generation of readers, however, the verses offer a source of new

insights into the personality, sentiments and historical ambitions of twentieth-century China's most influential leader. Many of Mao's poems, especially this "The Immortals: Reply to Li Shuyi" and his creative use of the mythological images, provide us useful data for such an inquiry.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликтов интересов для декларации.

Information of conflict of interests: authors have no conflicts of interests to declare.

References

1. Frazer, G. (1995), *Golden Bough*, Touchstone Books, New York.
2. Frye, N. (1957), *Anatomy of Criticism: Four Essays*, Princeton University Press, Princeton.
3. Frye, N. (1971), *Critical Path*, Indiana University Press, Bloomington.
4. Griffith, K. (2006), *Writing Essays about Literature: A Guide and Style Sheet*, Pecking University Press, Beijing, China.
5. Hirsch, E. (1999), *How to Read a Poem and Fall in Love with Poetry*, Harcourt, San Diego.
6. Mao, Tse-tung (1976), *Poems of Mao Zedong*, Foreign Languages Press, Beijing, China.
7. NG, Yong-Sang: *The Poetry of Mao Tse-tung*. Cambridge Core terms of use, available at <https://www.cambridge.org/core/terms>.
8. TAY, C. N. *From Snow to Plum Blossoms: A Commentary on Some Poems by Mao Tse-Tung*, Cambridge Core terms of use, available at <https://www.cambridge.org/core/terms>.
9. TAY, C. N. *Two Poems of Mao Tse-tung in the Light of Chinese Literary Tradition*, Cambridge Core terms of use, available at <https://www.cambridge.org/core/terms>.
10. Zhai Li (2017), *On the Transmission of the Aesthetic Features from Ezra Pound's*

Creative Translation of "CHANG GAN XING", Research Result. Theoretical and Applied Linguistics (3), Belgorod, Russia, 63-68.

11. 黄金龙. "死而复生"神话研究 [D]. 山西师范大学, 2016.
12. 刘术人. 论嫦娥奔月神话的文本流变 [D]. 东北师范大学, 2008.
13. 毛泽东. 毛泽东诗词选: 汉英对照 [M]. 许渊冲, 译. 北京: 中国对外翻译出版公司, 1993.
14. 亦老. 毛泽东诗词鉴赏 [M]. 北京: 中国文史出版社, 2004.
15. 尹泓. 嫦娥奔月神话的意象和母题分析 [J]. 中州学刊 (9) 2010, 109-194.
16. 翟莉. H. D. 《山林女神》中的神话意象 [J]. 名作欣赏 (2) 2015, 57-59.
17. 翟利, 徐然然 庞德对中国古典诗学的借鉴, [J]. 芒种 (2) 2014, 149-50.

References

1. Frazer, G. (1995), *Golden Bough*, Touchstone Books, New York.
2. Frye, N. (1957), *Anatomy of Criticism: Four Essays*, Princeton University Press, Princeton.
3. Frye, N. (1971), *Critical Path*, Indiana University Press, Bloomington.
4. Griffith, K. (2006), *Writing Essays about Literature: A Guide and Style Sheet*, Pecking University Press, Beijing, China.
5. Hirsch, E. (1999), *How to Read a Poem and Fall in Love with Poetry*, Harcourt, San Diego.
6. Mao, Tse-tung (1976), *Poems of Mao Zedong*, Foreign Languages Press, Beijing, China.
7. NG, Yong-Sang: *The Poetry of Mao Tse-tung*. Cambridge Core terms of use, available at <https://www.cambridge.org/core/terms>.
8. TAY, C. N. *From Snow to Plum Blossoms: A Commentary on Some Poems by Mao Tse-Tung*, Cambridge Core terms of use, available at <https://www.cambridge.org/core/terms>.
9. TAY, C. N. *Two Poems of Mao Tse-tung in the Light of Chinese Literary Tradition*

tion, Cambridge Core terms of use, available at <https://www.cambridge.org/core/terms>.

10. Zhai Li (2017), *On the Transmission of the Aesthetic Features from Ezra Pound's Creative Translation of "CHANG GAN XING"*, Research Result. Theoretical and Applied Linguistics (3), Belgorod, Russia, 63-68.

11. Huang Jinlong, (2016), *The Research on the "Rebirth" Myth*, Shaanxi Normal University, Shaanxi, Xian, Changan, China. [in Chinese].

12. Liu Shuren, (2008), *On the Text Changing of the Myth of "Chang'E Flies to the Moon"*, Northeast Normal University, Changchun, China. [in Chinese].

13. *Mao Zedong (1993), Poems of Mao Zedong*, Translated by Xu Yuanchong, Chinese Translation Publishing Press, Beijing, China. [in Chinese].

14. Yi Lao (2004), *Review of the Poems of Mao Zedong*, Chinese Culture and History Press, Beijing, China. [in Chinese].

15. Yin Hong (2010), *The Analysis of the Mythological Image and Motif in Chang E's Flying to the Moon*, Zhong Zhou Academic Journal (9), China, 109-194. [in Chinese].

16. Zhai Li (2015), *The Mythological Images in H. D.'s Oread*, Masterpieces Review (2), China, 57-59. [in Chinese].

17. Zhai Li and Xu Ranran (2014), *Ezra Pound's Adoption of Chinese Ancient Poetics*, Mang Zhong (2), China, 149-150. [in Chinese].

Zhai Li, Professor, Master of Linguistics and Applied Linguistics, College of Arts, China University of Petroleum.